

КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШИЛЬДЕРЪ

ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1828 И 1829 ГОДОВЪ.

Ce qu'on a vu on le peint mieux, cela donne la vérité; on le peint plus volontiers, cela donne la verve du style.

Thiers.

Въ сентябрѣ 1828 года осада Варны кипѣла въ полномъ разгарѣ. Въ это время, открыты были уже въ крѣпости, дѣйствіемъ артиллеріи, двѣ бреши: одна въ первомъ бастионѣ (приморскомъ), другая въ куртінѣ, примыкавшей къ бастиону второму. Но обѣ бреши не вполне отиѣчали своей цѣли. Первая, въ приморскомъ бастионѣ, хотя и приступна была для штурмующихъ колоннъ, однако, для веденія по ней постепенныхъ подступовъ, оказывалась неудобною, и занятіе бастиона открытою силою было бы сопряжено съ значительною потерей; что же касается второй, то противъ нея, при переходѣ чрезъ крѣпостной ровъ двумя крытыми саами, работы были внезапно остановлены глубокимъ, обрывистымъ оврагомъ, переходъ чрезъ который представлялъ, какъ тогда многіе полагали, трудность непреодолимую. Но какъ только явился въ траншеяхъ полковникъ Шильдеръ, нашлось средство преодолѣть и эту трудность непреодолимую.

Осмотрѣвъ осадныя работы, Шильдеръ имѣлъ счастье пред-

ставить лично Императору Николаю Павловичу (*) планъ, по которому надѣялся овладѣть крѣпостію безъ штурма. Надо сказать, что до того времени атака была ведена на первый бастионъ; предложеніе же полковника Шильдера состояло въ томъ, чтобы перенести атаку на средину куртины, между первымъ и вторымъ бастионами, и, устроивъ въ куртину пространный ложементъ, дѣйствіемъ изъ него по городу принудить крѣпость къ сдачѣ безъ штурма. Предложеніе это представляло еще ту выгоду, что оврагъ противъ куртины былъ менѣе обрывистъ, чѣмъ противъ втораго бастиона. Но для исполненія новыхъ работъ, при значительномъ ихъ количествѣ, недоставало рабочихъ, а потому было рѣшено и Государемъ одобрено — обратить главную атаку не на куртину, какъ предлагалъ Шильдеръ, а на второй бастионъ, обрушивъ его минами.

15 сентября, согласно послѣдняго предположенія, начались работы. Саперы устроили ступенчатый спускъ въ блиндированной галлерей и изъ него подземный ходъ, съ покатостію къ рытвинѣ, приостановивъ работу, когда передъ выходомъ въ оврагъ остался только одинъ тонкій слой земли. Но когда, на другой день, продѣлано было небольшое отверстіе въ этомъ земляномъ заслонѣ, для лучшаго обозрѣнія оврага, то обнаружилось, что подземная галлерей выходитъ не на дно оврага, но на двѣ сажени выше, что на днѣ находился еще кюветъ (водяной ровикъ) и что противоположная отлогость имѣетъ весьма крутой подъемъ, до четырехъ сажень. Опасность этого положенія увеличивалась еще тѣмъ, что рытвина занята была засѣвшимъ въ нее непріятелемъ въ значительномъ числѣ и что, по продѣланному въ земляномъ заслонѣ отверстію, онъ уже могъ догадываться о движеніи нашихъ работъ. Въ эту-то рѣшительную минуту, находчивость и изобрѣтательность полковника Шильдера восторжествовали надъ препятствіемъ, повидному, неодолимымъ.

Съ того времени, какъ Турки замѣтили производство работъ въ галлерей, они нѣсколько разъ бросались въ отверстіе; но саперы, притворивъ выходъ толстыми деревянными щитами съ бойницами, дѣйствовали противъ непріятеля ружейнымъ огнемъ.

(*) Государь прибылъ къ Варѣ 27 августа 1828 года и, въ продолженіе всей осады, имѣлъ постоянное пребываніе на адмиральскомъ кораблѣ, который носилъ названіе «Парижъ».

Наконецъ, когда, послѣ двухъ-часоваго боя, непріятель отступилъ изъ рывины къ ближайшимъ своимъ окопамъ, саперы немедленно приступили къ спуску на дно рывины, придуманнымъ полковникомъ Шильдеромъ слѣдующимъ способомъ:

Изъ галлерей выдвинуты были два досчатые щита, высотой въ три, а длиною въ двѣнадцать футовъ, и, по укрѣпленіи ихъ веревками за стойки рамъ подземной галлерей, спущены были съ быстротою въ рывину ребромъ, по обѣ стороны выхода, чѣмъ и образовались, на продолженіи стѣнъ галлерей, стѣнки особаго, прикрытаго ими съ обѣихъ сторонъ, хода. Турки, замѣтивъ эту непонятную для нихъ работу, тотчасъ же бросились въ рывины, чтобъ сорвать спущенные въ обрывъ щиты, и хотя ружейные выстрѣлы снова обратили ихъ въ окопы, но они успѣли, однакожь, опрокинуть щиты. Саперы снова ихъ уставили и, углубивъ между ними ходъ, поставили за ними стрѣлковъ, которые не допускали уже непріятеля безнаказанно приближаться къ нашимъ работамъ. Между тѣмъ, для защищенія рабочихъ отъ камней и ручныхъ гранатъ, накрыли щиты потолочными фашинами, а дно рывины завалили фашинами водяными; на которыхъ уже было нетрудно устроить эполементы изъ вертикально поставленныхъ туровъ. Когда же эти туры прикрылись поперекъ фашинами, тогда они образовали родъ крытой галлерей. Такимъ способомъ успѣли спуститься на дно рывины, переходъ черезъ которую, способомъ обыкновенной крытой сапы, по чрезвычайной крутизнѣ береговъ рывины, оказывался невозможнымъ.

Въ ночь на 18 число, крытый ходъ продолжали по противоположной сторонѣ рывины посредствомъ туровъ же, которые укладывали по отлогости рывины, сначала въ два ряда, а потомъ въ три. Работа эта подвигалась впередъ съ быстротою изумительною: еще не совѣтъ разсвѣло, а крытый ходъ доведенъ уже былъ до эскарпа лѣваго фаса бастіона, такъ что въ семь часовъ утра вошелъ минеръ въ одно отверстіе, а чрезъ два часа другой въ другое, почти подъ самый шпигъ бастіона. Оба эти отверстія приготовлены были заблаговременно выстрѣлами съ брешь-батарей.

Сутки прошли довольно спокойно, хотя и примѣтно было, что Турки, занимавшіе ровъ, равнодушно смотрѣли на новые для нихъ щиты, которые, на петляхъ и канатахъ, такъ ловко

передвигались по отлогостямъ рытвины съ мѣста на мѣсто. Каждую ночь должно было ожидать рѣшительной схватки, и наконецъ дождался ея: въ ночь на 19 число, собравшись въ толпу, Турки украдкой стали пробираться вдоль стѣны контръ-эскарпа. Густой туманъ долго скрывалъ ихъ отъ наблюденій нашихъ стрѣлковъ, которые тогда только спустили курки, когда Турки подползли уже къ рытвинѣ. Нѣкоторые изъ стрѣлковъ, вмѣстѣ съ рабочими, отступили чрезъ галлерею; другіе же, не понавъ въ галлерею, бросились въ амбразуры брешь-батарей и этимъ путемъ вышли на плацисъ. Такимъ образомъ, навремя, Турки остались полными хозяевами нашихъ работъ во рву, и здѣсь-то обнаружили они всю свою ненависть къ земляному зодчеству лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона. Съ неистовствомъ ринулись они на галлерею и, занявъ ее до самыхъ минныхъ отверстій, какъ изступленные, принялись уничтожать все, что имъ попадалось имъ подъ руки: кто поджигалъ фапины, кто разбрасывалъ туры, тотъ итаганомъ рубилъ щиты, тотъ руками загребалъ землю, и все это дѣлалось съ страшнымъ гамомъ и крикомъ. Смотриа чрезъ амбразуры на этихъ бѣшеныхъ воиновъ, можно было подумать, что мы смотримъ на тѣхъ скандинавскихъ берсеркеровъ, которые, если вѣрить преданіямъ, въ пылу битвы доходили иногда до такой безумной ярости, что грызли свое оружіе и даже горячіе угли. Къ довершенію ужаса этой картины, десять нашихъ орудій, пока Турки хозяйничали въ галлерей, безъ умолку осыпали ихъ картечью съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Наконецъ, разоривъ галлерею, Турки бросились на обѣ эти батареи; но здѣсь, потерявъ значительное число убитыми и ранеными, они опомнились и разбѣжались.

Какъ только Турковъ не стало, саперы бросились въ рытвину, чтобъ скорѣе исправить въ ней разрушенныя части крытаго хода. Къ полдню все пришло въ прежній порядокъ, и минеры снова принялись за свои работы.

Надо сказать, что, въ это же время, минныя работы велись и подъ приморскій бастионъ. Мина подъ этимъ бастиономъ, заряженная 180 пудами пороха, взлетѣла на воздухъ 21 сентября, безъ всякихъ особенныхъ оказій; но когда, на другой день, стали заряжать двѣ мины подъ вторымъ бастиономъ, тогда, какъ парочно, представился полковнику Шильдеру еще разъ случай обнаружить свою находчивость и изобрѣтательность.

Для заряжанія минь, порохъ доставлялся въ бочкахъ, которыя, для осторожности, обвертывали кожею. Однако и это средство доставленія пороха не совсѣмъ было надежно, особенно когда приходилось переносить бочки отъ дна оврага до подошвы эскарпа но не закрытой сандъ, въ которую Турки то и дѣло бросали бомбы да гранаты. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого пункта, полковникъ Шильдеръ приказалъ, на оконечности одной изъ нашихъ сандъ, которая тинулась по гласису, вмѣсто обыкновеннаго мантилета, поставить огромной величины ящикъ, съ прорѣзанными для стрѣлковъ бойницами. Отъ двигался впередъ посредствомъ рычаговъ и внутри, для большей безопасности, обдѣланъ былъ тонкими фаншинами. Какъ только этотъ громадный ящикъ, въ которомъ безъ труда помѣстились десять стрѣлковъ, сталъ подвигаться впередъ, извергая изъ себя усиленный ружейный огонь, Турки тотчасъ же обратили на него вниманіе. Легко можетъ быть, что они приняли это огромное движущееся чудовище за что нибудь подобное тому зловѣщему коно троянскому, о которомъ съ такою подробностію разсказываетъ старикъ Виргилій въ своей «Энеидѣ». Какъ бы то ни было, а варискіе Турки такъ же легко вдалились въ обманъ, какъ и несчастные Троянцы. При первомъ появленіи ящика на гласисѣ, изъ крѣпости бросили въ него разомъ до восемнадцати бомбъ, изъ которыхъ, къ счастью, одна только упала въ самый ящикъ. Но этимъ не кончилось. Турки продолжали заниматься усиленно перестрѣлкою съ ящикомъ до тѣхъ поръ, пока не зарядили обѣихъ минь подъ вторымъ бастіономъ. Такимъ образомъ, ящикъ сдѣлалъ свое дѣло: отвлекъ вниманіе непріятеля отъ оврага, чрезъ который переносили бочки съ порохомъ.

Одна изъ минь, главная, заряжена была 130 пудами пороха, другая только 45. Совокупный взрывъ этихъ двухъ минь, 22 сентября, произвелъ такое дѣйствіе, какого, вѣроятно, не ожидалъ и самъ Шильдеръ: весь бастіонъ всталъ вверхъ дномъ, обратившись, такъ сказать, фронтомъ къ атакуемой крѣпости. Воронка, однимъ концомъ, переднимъ, засыпала ровъ, а другимъ, противоположнымъ, образовала обширный земляной валъ противъ самой внутренности города. Особенно также былъ губителенъ взрывъ для тѣхъ Турокъ, которые имѣли обыкновеніе собираться во второмъ бастіонѣ для вылазокъ: всѣ они, въ числѣ 500 человекъ, по показанію плѣнныхъ, остались погребен-

ными подъ этою частию варнской твердыни. Одинъ изъ контръ-минировъ упалъ даже къ намъ на брешь-батарею.

Не прошло и недѣли послѣ взрыва втораго бастиона, какъ Юсуфъ-Папа, главноначальствовавшій въ Варнѣ, вышелъ, 28 сентября, изъ крѣпости и предалъ себя великодушію Государя. Вслѣдъ за Юсуфомъ покорился и весь гарнизонъ. Лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ, предводительствуемый полковникомъ Шильдеромъ, первый вступилъ въ крѣпость, черезъ проломы бастиона, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ, а за нимъ послѣдовали и другія войска. Послѣ торжественнаго молебствія въ лагерѣ, 30 сентября, Государь, обойдя войска, изволилъ подойти къ гвардейскимъ саперамъ. Баталіонъ опустилъ знамя. Его Величество собственными руками привязалъ къ нему георгіевскій крестъ, сказавъ при этомъ: «Вы это заслужили. Мнѣ пріятно, что вы не забыли словъ покойнаго Государя, когда вамъ было дано это знамя, *что при первомъ случаѣ промѣняете его на георгіевское.* Осада Варны оправдала Мои ожиданія. Поздравляю васъ. Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этимъ прекрасный праздникъ». Привязавъ ленту, Государь поцѣловалъ крестъ. Кажется, нѣтъ надобности говорить, что чувствовали, въ эти торжественныя минуты, счастливые саперы...

Полковникъ Шильдеръ, за совершенный имъ подвигъ подъ Варною, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4 степени и чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ командиромъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона. Кромѣ того, по волѣ Государя, подвигъ Шильдера увѣковѣчилъ извѣстный художникъ Заурвейде, изобразивъ, въ чудесномъ произведеніи живописи, переходъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона черезъ ровъ и рывину противъ втораго бастиона. Въ этой картинѣ такъ много ума, воображенія, истины и умѣнья разнообразить безобразіе, а главное—такъ вѣрно схвачены всѣ подробности саперныхъ работъ, что, взглянувши въ нее, невольно переносишься мыслію на самое мѣсто дѣйствія.

До начала осадныхъ дѣйствій подъ Силистріей, въ 1829 году, необходимо было устроить благонадежное и удобное сообщеніе между правымъ берегомъ Дунай и мѣстечкомъ Каларашемъ, лежащимъ недалеко отъ лѣваго берега Дуная, въ шести или семи верстахъ ниже крѣпости. Недостатокъ такого сообще-

нія былъ весьма оцутителенъ послѣ снятія блокады Силистріи въ 1828 году. Но для этого не было другаго средства, какъ спустить къ мѣстечку Каларашу, по разнымъ выступившимъ изъ береговъ заливамъ и рѣчкамъ, плашкотный мостъ, построенный командиромъ 3-й сводной піонерной бригады, генералъ-маіоромъ княземъ Шейде, въ деревнѣ Фундени, недалеко отъ устья рѣки Аржиса, которая вливается въ Дунай въ 75 верстахъ выше Силистріи, прямо противъ мѣстечка Туртукая.

Генералъ Шильдеръ, получивъ назначеніе завѣдывать осажденными работами подъ Силистріей, прибылъ, въ началѣ марта 1829 года, въ главную квартиру дѣйствующей арміи. Услышавъ тамъ о плашкотахъ, которые пропадали въ селеніи Фундени безъ всякаго употребленія, онъ тотчасъ же вызвался на подвигъ отъважный—доставить эти плашкоты въ мѣстечко Каларашъ. По докладу объ этомъ главнокомандующему, Шильдеръ получилъ предписаніе отъ начальника штаба арміи, барона Толя, отправиться въ Бухарестъ, явиться тамъ къ командиру 2-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютанту графу Палену 1, и испросить у него средства къ доставленію моста въ мѣстечко Каларашъ тѣми способами, которые онъ, Шильдеръ, по обстоятельствамъ, признастъ за лучшіе, съ замѣчаніемъ, что «отъ немедленнаго и точнаго исполненія этого порученія можетъ зависѣть удачное открытіе кампаніи.» (*)

(*) Въ «Исторіи Лейбъ-Гвардіи Сакернаго баталіона», изданной въ 1832 году, по Высочайшему повелѣнію, капитаномъ Волкенштейномъ, на стр. 118, сказано, что будто бы графъ Дибичъ, извѣстномъ отъ сгуска моста, приказалъ также генералу Шильдеру, черезъ начальника своего штаба, генералъ-адъютанта Толя: «*взять все мѣры къ прекращенію сообщенія между крѣпостями Силистріей и Рущукомъ и стараться уничтожить силистрійскую флотилію*». Но въдѣсь виднѣно выраженіе ошибка. Не могъ главнокомандующій требовать отъ генерала Шильдера того, чего онъ никакимъ образомъ исполнить не могъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ. Притомъ, еслибъ дѣйствительно имѣлось въ виду, имѣеть съ доставленіемъ плашкотовъ въ Каларашъ, уничтожить и непріятельскую флотилію, то, безъ сомнѣнія, для этого вытребовали бы нашу дунайскую флотилію, а она, какъ извѣстно, явилась передъ Силистрією только 6 мая, въ день обложенія крѣпости. Наконецъ, самъ генералъ Шильдеръ, получивъ такого рода приказаніе, вѣроятно, доложилъ бы генералу Толю, что онъ не имѣетъ средствъ для дѣйствія на подѣ. Все это достаточно доказываетъ, что сказанное свидѣніе невѣрно, а, между тѣмъ, помѣщенное на страницахъ исторіи, которая должна имѣть характеръ несомнѣнной достовѣрности, бросаетъ неблаговидное нареканіе на боевую репутацію такихъ генераловъ, каковы были Дибичъ и Толь, отличившіеся всегда въ распоряженіи своихъ основательностію, осмотрительностію и строгою послѣдовательностію. Ред.

Получивъ такого рода порученіе, Шильдеръ началъ съ того, что отправился въ селеніе Фундени и осмотрѣлъ тамъ плавнички, которые, для предохраненія отъ напора весенняго льда, всѣ были вытащены на берегъ. Онъ нашелъ ихъ въ жалкомъ состояніи: большая часть изъ нихъ построена была изъ сырого лѣса, а у нѣкоторыхъ недоставало даже киць, безъ которыхъ, какъ извѣстно, ни одно судно не можетъ быть надежно. Дорожка временемъ пуще всего, генералъ приказалъ оставить на берегу для починки только наиболѣе поврежденные плавнички, а всѣ прочіе, осмоливъ и оконпачивъ на скорую руку, спустить на воду. Всѣхъ плавничковъ было шестьдесятъ-три.

Сдѣлавъ это первое распоряженіе, Шильдеръ отправился осматривать лѣвый берегъ Дуная отъ Аржиса до Бота, полагая, что выступившіе изъ береговъ, отъ вторичнаго небольшого разлива Дуная, заливы и рѣчки позволяютъ ему провести плавнички вѣ кругъ дѣйствія непріятельскаго. Но, обозрѣвъ внимательно этотъ низменный берегъ Дуная съ его гирлами, онъ убѣдился, что исполненіе первоначальнаго его предположенія невозможно, потому что заливы и рѣчки оказались до того мелкими, что въ многихъ мѣстахъ вовсе не было воды. Послѣ этого, не оставалось другаго средства къ доставленію моста въ Каларашъ, какъ плыть съ плавничками по Дунаю, хотя это предпріятіе, при малѣйшей бдительности со стороны Турокъ, могло кончиться гибелью всего отряда. Но, принявъ въ соображеніе, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, спускъ моста былъ необходимъ для открытія кампаніи, генералъ Шильдеръ рѣшился спустить его по Дунаю, въ виду двухъ крѣпостей и двухъ непріятельскихъ флотилій, и тутъ-то обнаружилась вся сила боеваго его характера. Вотъ планъ, который начертилъ онъ для начальныхъ дѣйствій:

Устроить на каждомъ плавничкѣ, изъ мостоваго наката, фашинъ и мѣшковъ, родъ брустверовъ съ бойницами, для безопаснаго дѣйствія стрѣлковъ.

Къ каждому плавничку, для буксированія его, прицѣпить небольшой челнокъ, на который посадить одного Молдаванина и при немъ двухъ или трехъ гребцовъ изъ нѣхотныхъ солдатъ.

Для прикрытія плавничковъ, устроить паромы, каждый изъ двухъ лодокъ, прикрѣпивъ одну къ другой, и потомъ установить на эти паромы полевые орудія и ракетную батарею; для

прикрытія же стрѣлковъ и орудій, устроить на паромѣхъ родъ элемента изъ мѣшковъ, набитыхъ перстью.

Наконецъ, собрать всѣ малыя лодки и помѣстить на нихъ особыхъ застрѣльщикова, которые могли бы составить авангардъ и арріергардъ: первый для вступленія въ бой съ частію енисейской флотиліи, крейсерованной ниже Туртукая, а второй для отраженія русскаго, еслибы она рѣшилась спуститься вслѣдъ за плашками.

Когда планъ этотъ представленъ былъ корпусному командиру, онъ усомнился въ возможности его исполненія. Однако, убѣдился, вследствие личнаго объясненія съ генераломъ Шильдеромъ, что мостъ не можетъ быть доставленъ другимъ способомъ къ мѣсту его назначенія, графъ Паленъ согласился наконецъ отрядить изъ своего корпуса два полка пѣхоты, съ нѣсколькими орудіями, которые и направлены были къ селенію Фундени.

Теперь посмотримъ, какъ приступилъ генералъ Шильдеръ къ исполненію своего отважнаго плана.

Пока плашки готовились къ спуску на воду, онъ занялся устройствомъ батарей по лѣвому берегу Дуная. Небольшое укрѣпленіе, заложенное при устьѣ Аджиса, было окончено прежде другихъ. Для усиленія этого укрѣпленія, прибыли изъ Калараша четыре легкихъ орудія и 100 конгревовыхъ ракетъ съ двумя станками. Вскорѣ потомъ построили и вооружили еще двѣ батареи на самомъ берегу Дуная: одну въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай наиболѣе суживается, а другую противъ небольшого редута, выкопаннаго Турками близъ Туртукая. Между тѣмъ, успѣли сколотить паромы и починить кое-какъ плашки, которые тотчасъ же и спустили на воду.

Погода стояла чудесная. Солнце горѣло во всемъ блескѣ и великолѣпно разнообразило свѣтъ и тѣнь на пестрыхъ батареяхъ, устланныхъ орудіями, зарядными ящиками и бомбардирами въ сѣрыхъ шинеляхъ. Небольшой отрядъ, предназначавшійся къ плаванію, расположенъ былъ въ лощинѣ. Пѣхотинцы, сложивъ ружья въ пирамиды, сидѣли, въ ожиданіи похода, кучками вокругъ огня, посматривая съ усмѣшкой на неуклюжіе плашки, которые причаливали уже къ берегу; но скоро, перекрестясь, они разобрали ружья и въ порядкѣ разошлись по рядамъ. Въ это время, прибылъ къ лощинѣ начальникъ штаба 2-го корпуса, генералъ Германъ, а вмѣстѣ съ нимъ и генералъ-маіоръ Яфимовичъ,

командиръ отряда. По командѣ отряднаго командира, пѣсешники вышли впередъ, грянули удалую, и весь отрядъ двинулся къ берегу. Нельзя не сказать, что въ отрядѣ никто не зналъ обстоятельно о предстоящемъ предпріятіи, но всѣ шли бодро и весело, куда приказывало начальство. Когда же отрядъ подошелъ къ берегу, генералъ Шильдеръ вышелъ передъ фронтъ и съ тою восторженностію, которая никогда его не покидала, объявилъ офицерамъ и солдатамъ, что имъ предстоитъ дѣло славное и никогда еще не бывалое въ рядахъ нашей арміи.

— Ребята! говорилъ онъ имъ:—мы пустимся на этихъ плашкотахъ внизъ по Дунаю, проплывемъ 75 верстъ и разобьемъ турецкія флотиліи въ-пухъ и прахъ.

Тутъ же каждый начальникъ плашкота получилъ наставленіе, какъ ему дѣйствовать при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Но никакая человѣческая предусмотрительность не въ состояніи была предвидѣть всѣхъ опасностей, которыя могли встрѣтиться нашимъ пловцамъ въ ихъ отважномъ плаваніи. Однако, на всякій случай, генералъ Шильдеръ подтвердилъ начальникамъ плашкотовъ, чтобъ они, при непогодѣ или противномъ вѣтрѣ, который легко могъ отбросить ихъ къ непріятельскому берегу, немедленно останавливались, собирались всѣ въ одну кучу и причаливали къ лѣвому берегу, у котораго еще можно было бороться до послѣдней крайности и съ Турками, и съ непогодю. Наконецъ, разсчитавъ на каждый плашкотъ по 25 человекъ и размѣстивъ стрѣлковъ для авангарда и арріергарда на особые лодки, а артиллерію установивъ на паромы, всѣ суда, по данному сигналу, разомъ отчалили отъ берега и пустились на произволъ грозной стихіи, направляясь по Аржису къ Дунаю. Громкія пѣсни раздались снова, и, казалось, самъ старикъ Дунай, свидѣтель славы и безславія столькихъ поколѣній, здѣсь воевавшихъ, удивился такому смѣлому плаванію. Всегда бурный и ни на минуту не спокойный, онъ притихъ на это время. Жители Туртукаля выскочили на берегъ и не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на плашкоты, которые, какъ будто по волшебству, вышли изъ воды и тянулись по Аржису длинною и черною половою. Послѣ мы узнали, что туртукайскіе жители приняли плаваніе плашкотовъ за намѣреніе устроить переправу близъ Туртукаля и такого рода донесеніе послали къ намъ, начальствовавшимъ въ крѣпостяхъ Силистріи и Рушукъ.

Но недолго оглашаан воздухъ веселыми пѣсни: не прошло и получаса, какъ вмѣсто ихъ слышались дружные крики рабочихъ. Сначала плашкоты шли въ порядкѣ, одинъ за другимъ, но скоро, отъ неправильнаго маневра, быстрого теченія или удара вѣтра, нѣкоторые стали выходить изъ линіи и садились на мель; другіе же, силою теченія, набѣгали на нихъ, смѣшивались, сталкивались, трескали во всемъ своемъ составѣ и теряли конопать, отъ чего открывалась течь. Тутъ начиналась работа: одни силились сдвинуть застѣвшій плашкотъ съ мели, другіе бросались заткнуть течь чѣмъ бы то ни было; кто откачивалъ воду, кто укрѣплялъ фашины на палубѣ. Всѣ трудились, чтобъ только не отстать отъ переднихъ плашкотовъ. Наконецъ, послѣ необыкновенныхъ усилій, отрядъ, едва за полночь, успѣлъ кое-какъ добраться до Дуная, проплывъ по Аржису не болѣе четырехъ или пяти верстъ. Здѣсь, у самыхъ истоковъ Аржиса и недалеко отъ знаменитыхъ развалинъ батарей, которыя напоминаютъ о первыхъ налетахъ Суворова на Туртукай, Гирсовъ и Козлуджи,—здѣсь плашкоты благополучно причалили къ берегу и остановились въ порядкѣ, одинъ за другимъ.

Исправивъ поврежденія на плашкотахъ, отрядъ собирался уже на отдыхъ, какъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, набѣжали тучи, которыя, сгущаясь все болѣе и болѣе, разомъ поглотили и звѣзды, и мѣсяцъ, и небо, дотолъ чистое и ясное. Воздухъ сгустился до того, что тяжело было перевести духъ, въ полномъ значеніи этого слова. Скоро засвистѣлъ вѣтеръ. Дунай, какъ это обыкновенно съ нимъ бываетъ, обрадовался бурѣ и, взволновавшись, заходилъ огромными валами свинцоваго цвѣта, съ страшнымъ шумомъ и ревомъ. Весь отрядъ вышелъ на палубы и работалъ на нихъ цѣлую ночь, чтобъ только удержать плашкоты у берега. Сказать правду, эта первая ночь могла отбить охоту и у самыхъ отважныхъ на далыѣйшее плаваніе; но генералъ Шильдеръ не терялъ надежды на успѣхъ предпріятія. Съ разсвѣтомъ, какъ только непогода стала утихать, плашкоты отчалили отъ берега и одинъ за другимъ потянулись изъ Аржиса. Эта минута была минутою самою рѣшительною для отряда: однажды отдавшись на произволъ теченія Дуная, онъ не имѣлъ уже другаго средства къ спасенію, какъ доплыть непременно до устья рѣки Бота.

Начальное плаваніе отряда внизъ по Дунаю представляло

картину, по истинѣ, прекрасную. Плашкоты понеслись по быстрому теченію воды одинъ за другимъ, какъ будто управляемые опытными моряками. Пѣсни снова раздались на палубахъ. Впереди плашкотовъ, на небольшихъ лодкахъ, летѣлъ авангардъ. Онъ составленъ былъ изъ застрѣльщиковъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, при трехъ легкихъ орудіяхъ, которыя установлены были на особыхъ пармахъ, подъ прикрытіемъ особыхъ стрѣлковъ. За плашкотами слѣдовалъ арріергардъ, состоявшій изъ двухъ легкихъ орудій на плотахъ и застрѣльщиковъ на малыхъ лодкахъ. Отрядный командиръ вмѣстѣ съ виновникомъ экспедиціи, генераломъ Шильдеромъ, разъѣзжали по линіи на особой лодкѣ, подъ парусами.

Но вотъ снова поднялась непогода, и на этотъ разъ буря взяла свое, разбросавъ по Дунаю плашкоты болѣе чѣмъ на десять верстъ и перемѣшавъ ихъ до того, что суда, плившія въ началѣ плаванія впереди, очутились въ хвостѣ линіи, а тѣ, которыя замыкали плаваніе, отброшены были къ авангарду; пуще же всего опасались, чтобъ вѣтеръ не отбросилъ плашкотовъ къ правому берегу. Хотя къ носу каждаго плашкота, для буксированія его, и прицѣплены были небольшіе челноки съ двумя или тремя гребцами, но бесполезность этой мѣры скоро оказалась на дѣлѣ. Еще въ началѣ плаванія, когда не разыгрывалась непогода, челноки, вмѣсто того, чтобъ направлять ходъ плашкотовъ, сами вертѣлись по произволу вѣтра и, легкіе и безсильные, не могли удержатъ ни одного судна въ надлежащемъ направленіи. Но какъ только Дунай расходился, они первые попались подъ его волны, такъ что едва успѣли спасти проводниковъ-Молдаванъ и солдатъ-гребцовъ, управлявшихъ челноками. Въ эту минуту, когда, казалось, была потеряна и послѣдняя возможность удержаться отъ напора противнаго вѣтра, чувство самосохраненія пробудило въ русскомъ солдатѣ свойственную ему смѣлость, и онъ самъ спасъ себя отъ неизбежной гибели. Убѣдясь въ бесполезности своихъ буксировъ, экипажъ, какъ будто сговорившись, дружно бросился на каждомъ устранять изъ досокъ мостоваго наката такъ называемыя *потеси*, которыя обыкновенно употребляются на баркахъ. Эти потеси, или длинныя доски, тотчасъ же прикрѣпили по обѣимъ сторонамъ каждаго плашкота, на носу и на кормѣ, такимъ образомъ, чтобъ можно было управлять плашкотомъ безъ руля, и этимъ-то про-

стымъ средствомъ удерживали суда во все время бури у лѣваго берега.

Какъ только буря затихла, плашкоты стали мало по малу сближаться одинъ къ другому. Но авангардъ скрылся уже изъ вида: онъ сѣѣшилъ скорѣе достигъ до устья рѣки Бота, чтобы не дать Туркамъ времени образумиться, а главное—занять входъ въ рѣку Ботъ и тѣмъ обезпечить плашкоты отъ нападенія непріятельской флотиліи со стороны Силистріи. Эта мѣра тѣмъ болѣе была необходима, что время склонялось уже къ вечеру и нельзя было надѣяться, чтобы разбросанные бурей плашкоты могли достигнуть въ этотъ же день до рѣки Бота. Притомъ, люди совершенно выбились изъ силъ, и необходимо было дать имъ отдыхъ.

Въ десяти верстахъ отъ устья рѣки Бота, авангардъ былъ встрѣченъ атаманомъ Сысоевымъ, который на этомъ мѣстѣ, съ двумя ротами егерей и съ Арнаутами, служившими въ нашей арміи волонтерами, подъ начальствомъ сербскаго капитана Буюк-лея, поджидалъ прибытія моста. По догадкамъ атамана, силистріійскіе Турки расположились за островами, близъ рѣки Бота. Чтобы вытѣснить ихъ оттуда, назначили нѣсколько десятковъ застрѣльщиковъ, подъ командою Архангелогородскаго пѣхотнаго полка майора Гутгарта, а при нихъ и ракетную батарею, подъ управленіемъ гвардейской артиллеріи подпоручика Ковалевскаго. Вслѣдъ за этимъ передовымъ отрядомъ, отплылъ и самъ генералъ Шильдеръ, съ авангардомъ и Арнаутами. Что же касается плашкотовъ, то, по общему совѣту, положили собрать ихъ на почлегъ къ тому мѣсту, гдѣ расположенъ былъ небольшой отрядъ Сысоева.

Какъ только майоръ Гутгартъ сталъ подходить къ островамъ, на встрѣчу ему, со стороны Силистріи, показалась часть турецкой флотиліи, состоявшая изъ трехъ канонерскихъ баркасовъ, вооруженныхъ орудіями малаго калибра. Подплывъ къ Архангелогородцамъ на пушечный выстрѣлъ, Турки открыли огонь. Гутгартъ, разумѣется, не могъ на своихъ небольшихъ лодкахъ держаться на водѣ подъ непріятельскими выстрѣлами, а потому и посѣпшилъ отступить, причаливъ къ своему берегу. Но, въ эту самую минуту, явился на сцену, и очень кстати, подпоручикъ Ковалевскій, съ конгревовыми ракетами. Надобно сказать, что силистріійскіе Турки тогда еще не имѣли понятія объ этомъ

огнестрѣльномъ снарядѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что первыя пущенныя Ковалевскимъ ракеты произвели на нихъ такое же дѣйствіе, какое нѣкогда произвелъ *треческій огонь* Теофана Протоѳестіарія на воиновъ Игоря, которымъ отъ страха показался этотъ огонь «небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага». Какъ только дѣйствіе ракетъ привело непріятеля въ безпорядокъ, генералъ Шильдеръ, съ авангардомъ и Арнау-тами, присоединился къ лодкамъ маіора Гутгарта и вмѣстѣ съ ними сталъ преслѣдовать отступавшихъ Турковъ. Онъ гналъ ихъ до самыхъ истоковъ Бота.

На другой день, часу въ восьмомъ утра, отчалили отъ берега и плашкоты. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, они такъ быстро понеслись по теченію Дуная, что чрезъ два часа передніе входили уже въ рѣку Ботъ, какъ вдругъ, вслѣдъ за арріергардомъ, показалась часть флотиліи рущукской. Къ счастью, предвидя появленіе непріятеля съ этой стороны, генералъ Шильдеръ еще наканунѣ поставилъ у самаго истока Бота четыре легкія орудія, на тѣхъ же паромахъ, на которыхъ они прибыли изъ Аржиса, а на берегу нѣсколько ракетныхъ станковъ и, вмѣстѣ съ ними, знаменитую «пушку-карнаушку», про чудныя похожденія которой такъ много ходило, въ то время, разсказовъ между артиллеристами. Она, изволите видѣть, получила прозваніе «карнаушки» съ тѣхъ поръ, какъ турецкое шальное ядро отбило у нея одинъ изъ дельфиновъ, которые, какъ извѣстно, торчатъ у всякаго орудія наподобіе ушей. И немудрено, что бомбардиры любили ее безъ памяти: на своемъ вѣку она ознаменовала себя такими блистательными выстрѣлами, что не одни артиллеристы ходили смотрѣть на знаменитую «карнаушку», какъ на какое нибудь чудо. Но болѣе всѣхъ любилъ ее артиллерійскій капитанъ Заматаевъ, не разстававшійся съ нею въ продолженіе всей кампаніи. Гдѣ «карнаушка», тамъ ужъ вѣрно и капитанъ Заматаевъ. Онъ самъ ее наводитъ, самъ понижаетъ и возвышаетъ, и если, въ опасномъ случаѣ, нуженъ вѣрный выстрѣлъ, положитесь смѣло на «карнаушку»: она промаховъ не знаетъ, какъ будто заряжаютъ ее заговоренными ядрами.

Рущукскіе Турки плыли подъ парусами на трехъ шебекахъ, но скоро одна изъ нихъ укрылась за островами и послѣ со-всѣмъ не показывалась; по двумъ другимъ, какъ только подплыли онѣ на пушечный выстрѣлъ отъ устья Бота, открыли огонь

съ нашихъ батарей. Между тѣмъ, взрѣвала и «карнаушка.» Ядро ея прямо ударилося въ одну изъ шебекъ, пробивъ подводную часть ея насквозь. Шебека затрещала и тотчасъ же стала опускаться на дно со всѣмъ своимъ грузомъ и экипажемъ. Не довольствуясь такимъ удачнымъ выстрѣломъ, «карнаушка» обратилась на другую шебеку и однимъ ядромъ подбила у нея руль. Тогда майоръ Гутгартъ, на небольшой лодкѣ, бросился съ застрѣльщиками впередъ, чтобъ отрѣзать подбитой шебекѣ отступленіе; капитанъ же Буюкдѣй, съ Арнаутами, атаковалъ ее сзади. Вслѣдъ за ними и генералъ Шильдеръ повелъ на абордажъ десятка два стрѣлковъ Вологодскаго пѣхотнаго полка. Такимъ образомъ, шебека, потерявъ руль, атакована была со всѣхъ сторонъ небольшими нашими лодками. Турки, не видя другого средства къ спасенію, стали бросаться въ воду, чтобъ вплавь достигнуть своего берега. Семь человекъ Болгаръ, которые остались на шебекѣ, положили оружіе. На взятomъ суднѣ наши богатый грузъ, состоявшій изъ вина, водки, риса, муки, табаку и другихъ припасовъ. Все это досталось сербскому капитану, который первый вскочилъ на шебеку, когда ее защищали Болгары. Что же касается самаго судна, то оно, поступивъ въ число судовъ православныхъ, получило прозваніе «шебеки-ренегатки».

Такимъ образомъ, 25 марта, плашкоты успѣли благополучно войти въ рѣку Ботъ и потомъ уже безопасно продолжали плаваніе по лиману до самаго Калараша. Но этимъ экспедиція не кончилась. Кромѣ приготовленія матеріаловъ для предстоящей осады Силистріи, генералъ Шильдеръ имѣлъ въ виду еще другую цѣль: ему хотѣлось, во что бы ни стало, прекратить сообщеніе по Дунаю между Силистріей и Рушукомъ. Онъ началъ съ того, что заложилъ по обѣимъ сторонамъ истока рѣки Бота сожнутыя укрѣпленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ вооружить «шебеку-ренегатку» полевыми орудіями, съ тѣмъ, чтобъ она могла впослѣдствіи содержать на Дунаѣ брандвахту, которую пока, по необходимости, содержали плохіе паромы, устроенныя еще въ Аржисѣ подъ плувчія батарей. Надобно сказать, что отрядъ, въ продолженіе всей экспедиціи, соблюдалъ самыя строгія мѣры осторожности. У острова, лежащаго противъ самаго устья рѣки Бота, стояла день и ночь на якорѣ большая лодка съ застрѣльщиками, а при ней двѣ маленькія лодки, для

Т. XXI. Отд. II.

разѣздовъ въ ночное время. Кромѣ того, близъ брандвахты, на самой срединѣ Дуная, крейсеровало нѣсколько небольшихъ лодокъ съ застрѣльщиками и одна лодка большая, на которой уставлены были ракетные станки. Наконецъ, сербскій капитанъ Георгій Буюклеѣй, съ своими Арнаутами, непрерывно разѣзжалъ вверхъ по Дунаю. Все это достаточно обезпечивало отрядъ отъ внезапныхъ нападеній.

Пока отрядъ занимался приготовленіемъ осадныхъ матеріаловъ и постепеннымъ усовершенствованіемъ своихъ ботовскихъ укрѣпленій, проснулись и Турки. 15 апрѣля, за два дня до Пасхи, въ страстную пятницу, приплыла силистрійская флотилія и остановилась въ 700 саженьяхъ отъ устья Бота. Она состояла изъ трехъ большихъ вооруженныхъ судовъ, нѣсколькихъ судовъ меньшей величины и изъ лодокъ съ десантными войсками, скрывавшихся, какъ обнаружилось впоследствии, въ заливахъ и за островами. Въ это же время, начальникъ штаба арміи прислалъ извѣстіе, что, по полученнымъ донесеніямъ отъ разѣздовъ, рущукская флотилія плыветъ уже къ истокамъ Бота.

Послѣ этого не оставалось болѣе сомнѣній, что наконецъ Турки осмотрѣлись и рѣшились накрыть съ обѣихъ сторонъ небольшой нашъ отрядъ, состоявшій всего изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ орудій и конгревовыхъ ракетъ, шести большихъ лодокъ, включая въ это число и «шебеку-ре-негатку», наконецъ изъ нѣсколькихъ пловучихъ батарей, устроенныхъ на весьма плохихъ паромахъ. Съ такимъ ничтожнымъ по своимъ силамъ, въ сравненіи съ силами непріятельскими, отрядомъ обороняться было трудно; отступить же не хотѣлось, потому что жалъ было бросить укрѣпленія, на занятіе которыхъ такъ много было потрачено усердія, трудовъ и отваги. Итакъ, оставалось одно — самимъ атаковать непріятеля и если не разбить его, то, по крайней мѣрѣ, изумить смѣлостію предпріятія.

Рѣшившись на это послѣднее средство, генералъ Шильдеръ созвалъ частныхъ начальниковъ отряда и торжественно объявилъ имъ, что они окружены непріателемъ и что имъ ничего болѣе не остается, какъ самимъ предупредить намѣреніе Турокъ. Всѣ согласились съ предложеніемъ генерала, и общимъ совѣтомъ положили — атаковать флотилію силистрійскую на разсвѣтѣ съ 16 на 17 число.

Въ ночь на 17 число построили батарею изъ грязи (*) и камыша для четырехъ орудій, прямо противъ непріятельскихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ у праваго берега Дуная. Подлѣ этой батареи поставили плоты съ орудіями и ракетами, а нѣсколько ниже спустили «ренегатку-небеку». Застрѣльщики заняли особыя лодки. Что же касается ботовскихъ укрѣпленій, то ихъ поручили одному старому бомбардиру, давъ ему въ команду нѣсколько деньщиковъ, такъ какъ весь отрядъ, безъ исключенія, предназначался къ дѣлу противъ силестрійской флотиліи; но чтобъ бомбардиръ не затруднялся въ своихъ дѣйствіяхъ, предварительно навели каждое орудіе вдоль фарватера, по направленію къ Руцукѣ, зарядили пушки ядрами, а единороги гранатами, поставили трубки,—словомъ, совершенно приготовили батарею къ дѣйствию, такъ что деньщикамъ оставалось только, въ случаѣ появленія непріятеля со стороны Руцука, по командѣ бомбардира, подбѣжать къ орудіямъ и приложить зажженные фитили къ трубкамъ.

Лѣвый берегъ Дуная, совершенно открытый къ востоку, освѣщается, при восхожденіи солнца, нѣсколько ранѣе берега праваго. Поэтому Турки, завидѣвъ боевое расположеніе нашего отряда прежде, нежели наши артиллеристы могли рассмотреть суда ихъ, первые открыли огонь. Батарея сразилась, и громъ орудійныхъ выстрѣловъ торжественно привѣтствовалъ зарю новаго дня, раздавшись глухими перекатами по окрестнымъ скаламъ и ущельямъ. Вслѣдъ за ядрами и гранатами зашипѣли и конгревовы ракеты. Сперва одна полетѣла огненною змѣею надъ темною поверхностію Дуная; за ней другая, и эта прямо въ канонерскую лодку. Искры, какъ будто отъ фейерверочнаго бурака, блеснули отъ ракеты и обхватили весь бокъ непріятельской лодки; потомъ показался дымъ, а за нимъ и пламя, какъ огненная лава, съ трескомъ взвилось надъ палубой. Все это было дѣломъ мгновенія, и турецкій корветъ, загорѣвшись, освѣтилъ дорогу нашимъ застрѣльщикамъ, которые тотчасъ же и поплыли на своихъ лодкахъ къ непріятельскому берегу.

Между тѣмъ, пушечный огонь не умолкалъ ни на минуту.

(*) Въ строгомъ смыслѣ, изъ грязи. Отъ непрерывныхъ разлитій Дуная, который, при самой большой убыли воды, понижался не болѣе, какъ на 1 футъ отъ горизонта лѣваго берега, не оставалось на этомъ низменномъ берегу ни одного клочка сухой земли.

Турки едва успѣли зарядить въ четвертый разъ свои орудія на береговыхъ батареяхъ, какъ суда ихъ, поражаемыя мѣткими выстрѣлами нашей артиллеріи, отрубилн якорные канаты и съ поспѣшностію стали спускаться внизъ по теченію. Наши батареи усилили огонь, а застрѣльщики пустились было за противникомъ, какъ вдругъ раздались пушечные выстрѣлы ботовскихъ укрѣпленій. Руцукскіе Турки, въ значительномъ числѣ, показались на судахъ изъ-за острововъ.

Не медля ни минуты, генералъ Шильдеръ приказываетъ прекратить преслѣдованіе за флотиліею силистріійскою и всему отряду возвратиться къ береговымъ батареямъ; прежде же всего отсылаетъ на особыхъ лодкахъ артиллеристовъ, чтобы они успѣли вовремя подать руку помощи бомбардиру, который, съ прислугою изъ денщиковъ, открылъ уже огонь изъ навешенныхъ по Дунаю орудій. Съ прибытіемъ отряда къ ботовскимъ укрѣпленіямъ, смятеніе пріятно распространилось между Турками, такъ что не прошло и получаса, какъ флотилія руцукская, поражаемая прицѣльными выстрѣлами артиллеристовъ, смѣшанныхъ уже денщиковъ, стала мало по малу останавливаться и наконецъ совсѣмъ остановилась. Десантные войска, которыя, еще до начатія дѣла, вышли на лѣвый берегъ, чтобы атаковать наши батареи съ сухаго пути, замѣтивъ разстройство и замѣшательство между своими корветами, смутились въ свою очередь и бросились на лодки. Наконецъ и вся флотилія, состоявшая изъ трехъ мачтовыхъ военныхъ судовъ и двадцати малыхъ баркасовъ, вооруженныхъ фалконетами, скрылась за острова, по направленію къ Руцуку.

О побѣдѣ, одержанной, такъ сказать, *нечаянно*, надъ двумя турецкими флотиліями, генералъ Шильдеръ не замедлилъ донести корпусному командиру, графу Палену. Вмѣстѣ съ донесеніемъ, онъ представилъ также проектъ о дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, посредствомъ которыхъ надѣялся достигнуть слѣдующихъ результатовъ:

1) Овладѣть большимъ островомъ, противъ Силистріи, гдѣ съ большею удобностію можно будетъ продолжать заготовленіе осадныхъ матеріаловъ.

2) Устроить батареи на лѣвомъ берегу Дуная, противъ самой крѣпости, вооруживъ ихъ осадными орудіями.

Корпусный командиръ, видя въ виду, что продолженіе на-

ступательныхъ дѣйствій ботовскаго отряда можетъ не только облегчить, но и ускорить предстопившую осаду Силистріи, охотно изъявить согласіе на новое предпріятіе генерала Шильдера; но, чтобъ болѣе обезпечить успѣхъ предпріятія, графъ приказалъ усилить ботовскій отрядъ четырьмя конными орудіями и частию пѣхоты.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого распоряженія, корпусный командиръ отправился къ ботовскому отряду, чтобъ лично осмотрѣть его положеніе и средства, которыми владѣлъ онъ для дѣйствія на водѣ. Генералъ Шильдеръ выѣхалъ на встрѣчу къ своему начальнику. Первая лодка, которая попала на глаза графу, была «ренегатка-шебека». Обожженная, подбитая въ кормѣ, съ кривою мачтою, которая едва держалась, она походила скорѣе на барку, вытасченную на берегъ для лямки, нежели на боевое судно. Возлѣ нея стояли четыре несчастные паромы, съ орудіями и ракетными станками, а въ заключеніе нѣсколько лодокъ для застрѣльщиковъ. Когда графъ увѣрился, что вся морская сила ботовскаго отряда состояла только изъ этихъ паромовъ и шебеки, то онъ, обратясь къ генералу Шильдеру, сказалъ съ усмѣшкою:

«— Да съ чѣмъ же вы хотите вступить въ бои съ флотиліями, въ виду самой крѣпости? Посмотрите, что у васъ есть! прибавилъ онъ, показывая на шебеку:—*bonnet blanc et blanc bonnet*, и больше ничего.»

«— По эта одна шебека, почтительно отвѣчалъ генералъ:— стоитъ цѣлой флотиліи: она чудесный талисманъ, врученный мнѣ поклонниками пророка на то, чтобъ я ихъ билъ во всякое время, безъ жалости и страха, на волнахъ сѣлаго Нестра.»

Графъ улыбнулся, однако повторилъ генералу, чтобъ онъ никакъ не пренебрегалъ мѣрами осторожности, которыя на войнѣ никогда не лишніи. Потомъ, поблагодаривъ людей за усердіе и службу, за мужество въ битвахъ и терпѣніе въ трудахъ, корпусный командиръ простился съ отрядомъ.

Какъ только графъ уѣхалъ, генералъ Шильдеръ подвинулъ свой отрядъ на двѣ персты впередъ по берегу Дуная и тамъ устроилъ новую батарею, оставивъ, однако, за собою и укрѣпленія ботовскія. Главная цѣль заложения этой батареи состояла въ томъ, чтобъ, подъ прикрытіемъ ея огня, сперва обезпечить переѣзды черезъ береговые глубокіе проливы къ тому мѣсту

лѣваго берега, которое находится противъ большого силистріи-скаго острова, а потомъ вдругъ перейти со всѣмъ отрядомъ на этотъ островъ и тамъ укрѣпиться. Послѣ удачнаго исполненія этого предпріятія, занятіе остальной части лѣваго берега Дуная, противъ самой крѣпости, становилось не только вѣроятнымъ, но почти несомнѣннымъ.

Между тѣмъ, по требованію корпуснаго командира, генералъ Шильдеръ отправился на короткое время въ Каларашъ. Тамъ, обзрѣвая въ зрительную трубу небольшой островъ, который лежалъ прямо противъ только что устроенной нами новой батареи, онъ замѣтилъ на немъ необыкновенное движеніе Турокъ. Видно было явственно, что они также устраивали батарею на оконечности острова. Вскорѣ послѣ этого раздались и пушечные выстрѣлы, съ острова и лѣваго берега. Все это до того его встревожило, что онъ тотчасъ же бросился къ графу Палену и, испросивъ у него позволеніе, поскакалъ изъ Калараша на курьерскихъ.

Перѣхавъ на каючкѣ послѣднюю рѣчку близъ ботовскихъ укрѣпленій, Шильдеръ нашелъ свой отрядъ въ отчаянномъ положеніи: суда и лодки были втиснуты въ рѣку Ботъ и стояли въ бездѣйствіи, пѣхотинцы же, вмѣстѣ съ артиллеристами, за-сѣли въ укрѣпленія, допустивъ Турокъ высадиться на лѣвый берегъ въ довольно значительномъ числѣ. Поздоровавшись съ отрядомъ, генералъ тотчасъ же приказываетъ—разсыпать стрѣлковъ по камышамъ, а вслѣдъ за ними направляетъ и конную артиллерию (*). Черезъ минуту отрядъ уже наступалъ. Поручикъ Ротмистровъ первый открылъ дѣйствіе. Онъ подскакалъ съ своими конными орудіями на ближайшій картечный выстрѣлъ отъ непріятельской цѣпи и открылъ огонь съ одного взвода по войскамъ десантнымъ, а съ другаго по флотиліи. Выдержавъ залпа три, эта послѣдняя стремительно бросилась отъ берега, едва отстрѣливаясь изъ своихъ орудій. Отступленіе флотиліи распространило смятеніе и между войсками десантными, которые больше всего опасались быть отрѣзанными отъ берега. Однако, они еще отстрѣливались нѣкоторое время, но вскорѣ, тѣснимыя застрѣльщиками Архангелогородскаго полка и поражаемыя картечью изъ конныхъ орудій, стали приходить въ раз-

(*) Четыре орудія, подъ командою поручика Ротмистрова.

стройство и подаваться къ берегу. Тутъ подоспѣла и наша ботовская флотилія, открывъ огонь въ согласіи съ батареями, дѣйствовавшими на берегу. Вскорѣ послѣ этого десантныя войска совсѣмъ разстроились и, достигнувъ берега, съ поспѣшностію и въ величайшемъ безпорядкѣ ринулись въ стоявшія тамъ лодки. Смятеніе ихъ, по словамъ очевидцевъ, въ это время, доходило до безумія. Многіе, не успѣвъ вскочить въ лодки, бросали въ воду свое оружіе и вслѣдъ за нимъ сами кидались въ Дунай. Другіе стрѣляли изъ пистолетовъ по своимъ, когда они, не внимая отчаяннымъ ихъ крикамъ, отчаливали отъ берега. Наконецъ были и такіе, которые, не успѣвъ вскочить въ лодку, обращались назадъ и, какъ сумасшедшіе, кидались подъ картечные выстрѣлы нашихъ орудій. Словомъ, всякій спасался какъ могъ, не заботясь о другихъ: нѣкоторые лодки отчаливали отъ берега съ тремя или четырьмя пассажирами, тогда какъ каждая изъ нихъ могла поднять до двухъ десятковъ спасавшихся чалмоносцевъ.

На другой день отрядъ двинулся далѣе по берегу, какъ вдругъ поднялась новая тревога.

— Спасайте! спасайте! кричали солдаты:—нашъ корабль погибаетъ.

И дѣйствительно: канатъ, которымъ тащили «ренегатку-шебеку», оборвался, и быстрое теченіе воды прямо понесло ее къ турецкой флотиліи. Не было надежды, чтобъ она могла остановиться на якорѣ, потому что еще въ прежнихъ дѣлахъ она потеряла свой большой якорь, а запасный былъ такъ малъ и на такомъ тонкомъ канатѣ, что на немъ невозможно было остановиться по срединѣ рѣки. Шильдеръ былъ верхомъ, когда замѣтилъ несчастіе шебеки. Онъ далъ иппоры и бросился на лошади въ рѣку, подзывая къ себѣ паромы съ орудіями и лодки съ стрѣлками. Въ эту минуту общаго смятенія, шебека, приблизившись къ непріятелямъ на пушечный выстрѣлъ, открыла по нимъ огонь изъ своихъ орудій. Турки, слыша отчаянные крики людей всего отряда и, притомъ, видя быстрое движеніе шебеки, приняли все это за рѣшительный, съ нашей стороны, натискъ и стали отступать на всѣхъ парусахъ, такъ что прибывшіе, въ это время, наши паромы и лодки не могли уже поспѣть за ними, а помогли только шебекѣ возвратиться къ отряду.

Счастливая развязка этого печальнаго и, такъ сказать, не-

вольнаго наступательнаго движенія, открывала отряду прямой путь къ его цѣли—защитѣ завѣтнаго острова противъ Силистріи. Поэтому генералъ Шильдеръ, въ тотъ же день, двинулъ весь отрядъ впередъ. Когда же наступилъ вечеръ, люди сѣли на лодки и, безъ затрудненія, переправились на пустынный островъ, укрѣпивъ на скорую руку сѣверную его сторону. Послѣ занятія острова и пока Турки не пришли еще въ себя, успѣли занять и лѣваго берега Дуная, противъ самой крѣпости. Для этого часть войскъ обратно переправилась съ острова на берегъ, а піонерамъ приказано было устроить на вдавшемся въ рѣку берегу, противъ острова и крѣпости, батарею. Вместе съ тѣмъ исправли и вооружали осадными орудіями береговья укрѣпленія, которыя еще въ прошедшемъ году были устроены нашими войсками противъ Силистріи. Такимъ образомъ, овладѣвъ большимъ островомъ, овладѣли также и лѣвымъ берегомъ противъ крѣпости. Но отрядъ ботовскій оставался еще нѣкоторое время въ прежнихъ своихъ укрѣпленіяхъ, пока выстрѣлы на правомъ берегу Дуная не принесли ему по вѣтру радостную вѣсть, что главнокомандующій подступаетъ уже къ стѣнамъ Силистріи. Тогда черноморская флотилія перевезла отрядъ на правый берегъ, гдѣ ожидалъ его атаманъ Сысоевъ, тотъ самый, который, за нѣсколько недѣль тому назадъ, ожидалъ прибытія плашкотовъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Генералъ Шильдеръ, ступивъ на берегъ, простился съ отрядомъ. Солдаты долго смотрѣли на дорогу, по которой онъ поѣхалъ въ главную квартиру. Они его любили.

Мѣстоположеніе Силистріи не совѣтъ выгодно для ея обороны. Она лежитъ на низменномъ правомъ берегу Дуная, пониже Рушукъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай стуживается, отдѣляя отъ себя два рукава. Одинъ изъ этихъ рукавовъ круто поворачивается направо, а другой, не столь широкій, какъ первый, бросается въ Бессарабію. Вся нагорная мѣстность, прорѣзанная четырьмя глубокими и длинными долинами, представляетъ осаждающему удобность для выгоднаго дѣйствія артиллеріею, которая можетъ громить крѣпость въ одно время съ нѣсколькихъ, устроенныхъ одна позади другой, батарей. Но не всѣ полигоны, обращенные къ гористой мѣстности, представляютъ одинаковое удобство для приступовъ. Пространство земли противъ нѣкоторыхъ поля-

гоновъ, до самыхъ скатовъ нагорныхъ возвышенностей, устью мавзолеями надъ усоншими поклонниками и поклонницами пророка, и потому, противъ этихъ полигоновъ, безъ особенной необходимости, вести осаду неудобно. Можно сказать, что здѣсь мертвые обороняютъ живыхъ.

Въ 1829 году Силистрія считалась одною изъ лучшихъ крѣпостей турецкихъ. Изъ десяти ея бастионовъ, четыре обращены были къ Дунаю, а шесть къ гористой окрестности. *Первымъ* бастиономъ назывался крайній къ Дунаю, на восточной сторонѣ крѣпости.

На другой день послѣ обложенія Силистріи, 6 мая, главнокомандующій, покойный графъ Дибичъ, обозрѣвъ крѣпость и передовыя наружныя ея пристройки, отправился на лѣвый флангъ, въ лагерь генерала Красовскаго, гдѣ собраны были генералы, для совѣщанія о выборѣ полигона для приступовъ. Генералъ Красовскій первый обратилъ вниманіе главнокомандующаго на удобную для приступовъ мѣстность противъ 5-го полигона. И дѣйствительно: этотъ полигонъ, окруженный рытвинами и высокими горами, которыя, командуя всею крѣпостію, подкрадываются, такъ сказать, своими отлогими скатами подъ самый крѣпостной ровъ, представлялъ очевидныя выгоды какъ для веденія приступовъ саами, такъ и для устроенія батарей. Но другіе генералы предложили вести атаку съ восточной стороны, противъ 1-го полигона. Это предложеніе основывалось на томъ, что не хотѣли лишиться вспомогательныхъ средствъ, отъ которыхъ ожидали много пользы, и именно: содѣйствія флотпли и батарей, устроенныхъ генераломъ Шильдеромъ на лѣвомъ берегу Дуная. Главнокомандующій, находя оба мнѣнія основательными, приказалъ открыть осадныя дѣйствія противъ обоихъ полигоновъ, перваго и пятаго, но съ тѣмъ, чтобъ впоследствии обратить ту часть атаки въ настоящую, которая представитъ осаждающимъ болѣе выгодъ для производства успѣшныхъ и рѣшительныхъ работъ.

Такимъ образомъ, подступы первоначально поведены были съ двухъ сторонъ: на правомъ флангѣ, противъ перваго полигона, и на лѣвомъ, противъ пятаго. Работами на лѣвомъ флангѣ распоряжался генералъ Шильдеръ.

Сначала открыли первую параллель на правомъ флангѣ, а потомъ на лѣвомъ. Но первая параллель на правомъ флангѣ хотя

и доведена была до берега Дуная, однако не охватывала избраннаго для атаки полигона, а тянулась только параллельно второму и третьему полигонамъ, противъ которыхъ не предстояло особыхъ выгодъ вести подступы. Что же касается батарей на лѣвомъ берегу Дуная, то онѣ, по отдаленности ихъ отъ крѣпости, не могли оказать того содѣйствія, котораго отъ нихъ ожидали, равно какъ и черноморская флотилія, дѣйствовавшая не на ближайшій отъ крѣпости выстрѣлъ. Главнокомандующій, сообразивъ эти обстоятельства, а главное—убѣдившись, успѣшнымъ производствомъ траншейныхъ работъ и удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи на лѣвомъ флангѣ, въ удобной для подступовъ мѣстности противъ 5-го полигона, приказалъ атаку, которая велась противъ этого полигона, обратить въ настоящую, осадную же дѣйствія на правомъ флангѣ прекратить.

Какъ только генералъ Шильдеръ, своими успѣшными первоначальными подступами, доказалъ выгоды для атаки на мѣстности противъ 5-го полигона, въ головѣ его родилась смѣлая мысль: заложить полупараллели въ 100 саженьхъ впереди первой параллели и потомъ превратить въ коммуникаціонный ходъ рывину, простиравшуюся отъ этой параллели до самаго гласиса и къ срединѣ куртины. Для этого рабочіе, только что стенило, вышли изъ первой параллели, прошли безпрепятственно разстояние 100 сажень и уже готовились приняться за дѣло, какъ новая мысль блеснула въ головѣ нашего воина-инженера. Замѣтивъ, что Турки не выслали предостерегательныхъ постовъ предъ своими ложементами, онъ рѣшился воспользоваться такою оплошностію со стороны непріятеля и двинуть осадныя работы еще на нѣсколько сажень впередъ. Для этого онъ взялъ два баталіона егерей, повелъ ихъ, съ возможною осторожностію, по рывинѣ и, дойдя благополучно до натурального рва, который имѣлъ направленіе совершенно параллельное атакованному фронту, разставилъ ихъ по этому рву въ двѣ линіи и приказалъ имъ тутъ же заложить параллель летучею сапою, объяснивъ имъ, на всякій случай, что если они къ разсвѣту не углубятся въ землю, то Турки перестрѣляютъ ихъ всѣхъ до одного. Нечего и говорить, что работа егерей кинула. Турки, услышавъ стукъ лопатокъ почти у самаго рва своихъ ложементовъ, открыли ружейный огонь съ крѣпостнаго вала и ближайшихъ къ 5-му бастиону передовыхъ укрѣпленій. Но ночь была такъ темна, что

хоть глаза выколи, и Турки, стрѣляя наудачу, не могли причинить большаго вреда нашимъ рабочимъ; броситься же на нихъ съ холоднымъ оружіемъ они не смѣли, потому что опасались, въ ночное время, наскочить на сильное прикрытіе. Между тѣмъ, егеря, подѣ градомъ пуль, продолжали углубляться въ землю, такъ что не прошло и шести часовъ послѣ разищенія рабочихъ, какъ параллель была готова. На другой день Турки съ удивленіемъ увидѣли эту новую насыпь земли, изъ-за которой уже сверкали штыки дневнаго караула. Такимъ образомъ, не далѣе какъ въ пятидесяти саженьяхъ отъ гребня гласиса, протянулась новая параллель, которую и называли *третьею параллелью*, а *первую* переименовали во *вторую*; вторая же траншея, служившая сообщеніемъ батареямъ, обратилась въ *первую параллель*.

Изъ третьей параллели, вмѣсто трехъ, открыто было шесть полныхъ сапъ въ одно время: по двѣ на каждую капитель бастіоновъ, пятаго и шестаго, а двѣ противъ середины куртины. Производство этихъ работъ шло довольно успѣшно, несмотря на то, что днемъ саперы могли подвигаться впередъ не иначе, какъ тихою сапою. Открытіе шести сапъ и направленіе двухъ изъ нихъ, вмѣсто капиталей, противъ середины куртины, не защищенной рavelиномъ, предпринято было по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во первыхъ, линія орудійнаго огня атакованнаго полигона приведена была батареями съ третьей параллели въ такое положеніе, что головамъ двухъ сапъ, направленныхъ противъ куртины, не могли уже нанести вреда фронтальные выстрѣлы съ куртины, а зигзагамъ этихъ сапъ — выстрѣлы анфиладные съ фасовъ, обращенныхъ къ атакующей куртйнѣ.

Во вторыхъ, во время вылазокъ непріятеля, одну сапу можно было оборонять другою, для чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивали между сапами плацдармы.

Наконецъ, въ третьихъ, по приближенію сапъ къ гласису и при взрывѣ непріятельскихъ контръ-минъ, легче было изъ шести, нежели изъ трехъ сапъ, сохранить по одной на каждой линіи; притомъ, чѣмъ болѣе ведется подступовъ, тѣмъ болѣе развлекается вниманіе непріятеля.

Коронованіе гласиса совершенно было окончено въ семь дней, считая съ открытія выходовъ изъ третьей параллели. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ предварительно вытѣснили Турокъ штыка-

ми изъ укрѣпленій и оконовъ, въ которыхъ они встрѣчали голову каждой сапы и изъ-за которыхъ владѣли всѣми средствами замедлять производство нашихъ работъ отъ третьей параллели, то гласить могъ бы быть короновацъ въ трое сутокъ. По Силистріи суждено было пасть въ 1829 году не отъ штыковъ, а отъ лопатокъ и взрывовъ минъ (*).

Сначала взорвали четыре сближенные горна противъ шлица 5-го бастіона, заряженные 270 пудами пороха. Генералъ Шильдеръ первый бросился къ контръ-эскарпу, чтобъ лично удостоверить въ дѣйстви взрыва, который не только засыпалъ ровъ противъ бастіона, но и разрушилъ галерею непріятельскихъ минъ, которыя, какъ мы узнали впоследствии, Турки намѣревались взорвать въ тотъ же день (**). Земля, приброшенная къ эскарпу съ обѣихъ сторонъ воронки, закрыла его выше кордона одежды, отъ чего и образовался весьма удобный входъ на бастіонъ. Между тѣмъ, какъ только стемнѣло, наши минеры обратились къ передовому укрѣпленію, устроенному противъ 6-го полигона. Подъ шлицемъ контръ-эскарпа этого укрѣпленія мина была уже совсѣмъ готова; надо было только ее зарядить. Въ самую полночь раздался этотъ новый взрывъ, довершившій смятеніе Турокъ, воображеніе которыхъ было уже настроено ко всевозможнымъ ужасамъ. Въ безпорядкѣ и съ криками: «Аллахъ!» бросились они на валъ и открыли сильный пушечный и ружейный огонь; минеры же ихъ, въ этомъ общемъ смятеніи, спустились въ галерею и взорвали одну изъ контръ-минъ, устроенныхъ нѣсколько лѣтъ 6-го бастіона, но, къ счастью, въ такомъ отдаленіи отъ контръ-эскарпа, что взрывъ этотъ не нанесъ вреда нашимъ рабочимъ, кромѣ легкихъ контузій, которымъ подверглись большею частію люди, находившіеся въ оконечности четвертой сапы. Однако, случай этотъ заставилъ генерала Шильдера поспѣшить окончаніемъ минныхъ работъ противъ 6-го бастіона, чтобъ не дать времени другой контръ-минѣ взлетѣть на воздухъ. Эта новая подземная работа закипѣла въ рукахъ нашихъ

(*) Вскорѣ послѣ заложенія третьей параллели, 24 мая, главнокомандующій, съ корпусомъ графа Палена 1-го и частію другихъ войскъ, выступилъ къ селенію Эски-Арнаууглару, на встрѣчу верховному визирю, оставивъ подъ Силистріей, въ распоряженіе генерала Красовскаго, весьма незначительныя силы, съ которыми нельзя было и думать о дѣйствіяхъ противъ крѣпости открытою силою.

(**) Онѣ остались заряженными въ 12 саженьяхъ отъ контръ-эскарпа, послѣ первой сапы.

минеровъ и подавалась впередъ не по часамъ, а по минутамъ. Обѣ мины къ разсвѣту были уже совершенно окончены и заряжены, каждыя 76 пудами пороха, а утромъ, часу въ десятомъ, взлетѣли на воздухъ, засыпавъ весь ровъ и придвинувъ довольно плотно контръ-эскарпъ къ бастиону. Наконецъ, въ этотъ же день, взлетѣла на воздухъ еще одна мина, которая была заложена подъ шпигелемъ лѣваго угла средняго передоваго укрѣпленія.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ однихъ сутки, сожгли до 500 пудовъ пороха, не включая въ это число боевыхъ зарядовъ, выпущенныхъ изъ орудій и ружей, и нѣтъ сомнѣнія, что эта ночь, съ 8 на 9 іюня, ознаменовавшаяся такимъ длиннымъ рядомъ взрывовъ, надолго осталась въ памяти силестріійскихъ Турокъ.

Обращаясь къ послѣднему акту осады, столь успѣшно веденной нашими саперами подъ стѣнами Силистріи, скажемъ, что во рву, когда дѣло дошло до тѣхъ схватокъ грудъ съ грудью и рука съ рукою, которыя называютъ французскіе саперы *petites chicanes*, генералъ Шильдеръ встрѣтилъ въ оборонявшихся достойныхъ себя противниковъ. Здѣсь они вели себя, какъ мы сейчасъ увидимъ, такими отважными и расторопными молодцами, что вполне оправдали высокое о нихъ мнѣніе Монтекукули.

Какъ только успѣли возстановить сообщеніе съ вѣчаніемъ гласиса, прерванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильнымъ наводненіемъ отъ дождя, приступили къ спуску въ ровъ подземною галлереею, противъ праваго фланга 5-го бастиона. Начало этой работы не совсѣмъ было удачно. Заложивъ галлереею слишкомъ глубоко, стали подавать ее скоро впередъ и, не встрѣчая каменной одежды контръ-эскарпа, не имѣящаго почти фундамента, продолжали подземную работу до тѣхъ поръ, пока въ галлерей не показался свѣтъ, и тогда увидѣли, что она прошла уже контръ-эскарпъ и вышла въ кюветъ. Вообразите удивленіе генерала Шильдера! Онъ думалъ, что галлерей откроетъ ему отверстіе въ контръ-эскарпѣ, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, минеры его очутились по срединѣ рва, въ двухъ или трехъ саженьяхъ за контръ-эскарпомъ. Турки тотчасъ же сбѣжались въ значительномъ числѣ къ отверстію галлерей и такъ дружно ударили на минеровъ, что они принуждены были отступить въ галлереею, куда, однако, непріятель, при всей его отвагѣ, не смѣлъ ворваться. Но этимъ не кончилось. Какъ только наши

отступили, Турки принялись забрасывать камнями и бревнами отверстіе галлерей. Въ это время, по требованію генерала Шильдера, притащили нѣсколько кегорцовыхъ мортирокъ. Изъ нихъ стали бросать гранаты въ ровъ, и бросали до тѣхъ поръ, пока Турки не разбѣжались. Тогда наши саперы снова овладѣли галлереею и въ одинъ мигъ расчистили выходъ, который такъ долго заваливалъ непріятель. Такимъ образомъ, хотя галлерей и наткнулась совсѣмъ неожиданно на кюветъ, однако осталась за нами.

Съ этого времени ожесточеніе Турокъ не знало уже границъ. Каждый день закидывали они саперовъ ручными гранатами и разными горючими веществами; каждый день предпринимали по нѣскольку отчаянныхъ вылазокъ, въ которыхъ удавалось имъ поджигать мантелетъ или стаскивать его въ ровъ длинными крюками, и при этомъ не только вытѣсняли рабочихъ изъ кювета, но и забрасывали отверстіе галлерей бревнами и камнями; были даже такіе молодцы, которые почти безотходно сидѣли у мантелета, отдергивали его багромъ и стрѣляли изъ пистолетовъ по саперамъ. Но, завсѣмъ тѣмъ, наши настояли на своемъ: въ ночь съ 12 на 13 іюня заняли весь кюветъ, уширивъ его и дефилировавъ траверсами изъ туровъ, которые были набиты фашинами и поставлены въ два ряда на положенныя поперекъ кювета доски.

Надо сказать, что успѣшному занятію рва немало способствовалъ также огонь съ батареи, устроенной на гласисѣ, насупротивъ потерны. Цѣль заложенія этой крошечной батареи для одного легкаго орудія исключительно и состояла въ томъ, чтобъ разрушить ее дѣйствіемъ потерну и чрезъ то преградить непріятелю входъ въ ровъ. Но когда орудіе на гласисѣ отняло возможность врываться въ ровъ изъ потерны, Турки придумали для своихъ вылазокъ другое средство. Однажды, передъ разсвѣтомъ, вдругъ полетѣли черезъ валъ пятого бастіона зажженные бочки съ порохомъ, которыя, упавъ въ кюветъ, взлетѣли одна за другою на воздухъ. Въ одинъ мигъ, густой дымъ наполнилъ весь ровъ, такъ что нельзя было разглядѣть человека и въ трехъ шагахъ. Турки, воспользовавшись этою минутою, спустились поспѣшно съ бастіона, прямо чрезъ валъ, и ринулись въ кюветъ, кто съ пистолетомъ, а кто и съ однимъ ятаганомъ въ рукахъ. Саперы хотя уже и свыклись съ разнаго

рода подобными нечаянностями, однако противъ такого натиска не устояли. Они отступили къ прикрытію, которое также пришлось назадъ, до ближайшей къ коронованію гласиса насыпи. Къ счастью, явился, въ это время, въ коронованіи гласиса полковникъ Философовъ (*), заведывавшій непосредственно всѣми батареями въ параллеляхъ, въ качествѣ помощника начальника артиллеріи. Саперы и прикрытіе двинулись впередъ и снова заняли ровъ, до самой наружной покатости бастіона.

Между тѣмъ, пока непріятель съ такимъ молодецествомъ и съ такою находчивостію рѣзался во рву за каждый ключокъ земли, настало время новыхъ взрывовъ, въ-конецъ разрушившихъ атакованный полигонъ и открывшихъ широкіе проломы, чрезъ которые артиллеристы удобно уже могли дѣйствовать изъ орудій прямо во внутренность города. Еще 13 числа заложили мину подъ правымъ плечнымъ угломъ 5-го бастіона, а вскорѣ потомъ и другую, подъ шпикомъ этого же бастіона. Цѣль заложенія обѣихъ этихъ минъ состояла въ томъ, чтобъ взрывомъ ихъ опрокинуть правый плечной и исходящій углы бастіона и на высотѣ обвала устроить ложементы. Особенно удаченъ былъ взрывъ первой мины. Ночью наши минеры удостовѣрились, по звуку, который слышанъ былъ въ галлерей, что непріятель, въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, производитъ подземныя свои работы. Поэтому генералъ Шильдеръ тотчасъ же приказалъ зарядить и взорвать мину, которая могла, по всей вѣроятности, уничтожить подземныя работы непріятеля. Взрывъ послѣдовалъ 14 іюня, въ три часа пополудни, и съ такою силою, что даже въ третьей параллели можно было явственно различить два удара подъ землею. Ожидали, что эта мина обрушитъ только часть бастіоннаго фланга, однакожь оказалось, что она опрокинула не только весь флангъ, но и часть куртины, что произошло, неоспоримо, отъ воспламененія непріятельской мины мгновенно за нашею (**). Что же касается другой мины, заложеной подъ

(*) Алексѣй Илларионовичъ, нинѣ генералъ-отъ-артиллеріи и генералъ-адъютантъ.

(**) Турки, по взятіи крѣпости, какъ рассказывалъ неоднократно генералъ Шильдеръ, увѣрили его, что, замѣтивъ наши приготовленія зажечь мину, они хотѣли предупредить это дѣйствіе и успѣли зажечь свою контръ-мину, хотя она и не была совсѣмъ окончена. Но такое показаніе Турокъ едва ли справедливо. Вѣроятнѣе, при воспламененіи нашей мины, огонь сообщился подъ землею и непріятельскому подкопу, который заложень былъ отъ нея въ весьма близкомъ разстояніи.

нищемъ 5 бастіона, то она была окончена только къ ночи этого дня. Ее зарядили и взорвали въ самую полночь. Обвагъ, образовавшійся отъ этого взрыва, выѣстъ съ обрывомъ праваго плечаго угла, открылъ широкую дорогу во внутренность бастіона, за которымъ непріятель принужденъ былъ устроить особый абисннъ. Въ это же время, взорвали двѣ мины и подъ 6-мъ бастіономъ: одну подъ лѣвымъ флангомъ, а другую возлѣ, подъ куртинею. Наконецъ, въ ночь на 17 число, зарядили еще двѣ мины подъ куртинею: одну, съ правой стороны потерны, взорвали 17 июня утромъ, а другую, съ лѣвой, вечеромъ того же дня. Дѣйствіемъ обѣихъ этихъ минъ обрушило эскарпъ и снесло весь брустверъ.

Такимъ образомъ, удачными взрывами шести горновъ образовались четыре широкія отверстія, открывавшія внутренность города: два въ куртинѣ, по обѣ стороны потерны, и по одному въ бастіонныхъ флангахъ, обращенныхъ къ атакѣ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующее обстоятельство. Тотчасъ по произведеніи взрывовъ въ главномъ валѣ, заложены были на гребнѣ гласиса, противъ куртины, четыре батареи: двѣ крайнія въ косвенномъ направленіи къ атакованнымъ флангамъ бастіоновъ 5-го и 6-го, а среднія прямо противъ образовавшихся въ самой куртинѣ проломовъ. Какъ только начали дѣйствовать съ крайнихъ батарей рикошетами, смежныя полигоны уже не существовали для непріятеля, такъ какъ обѣ эти батареи заложены были по прямому направленію куртинъ: лѣвая—по продолженію куртины 6-го полигона, а правая — 4-го. Такимъ образомъ, благодаря соображеніямъ генерала Шильдера, выѣстъ съ пятымъ полигономъ покорены были, въ одно время, и смежныя съ нимъ полигоны. Что же касается другихъ двухъ батарей, среднихъ, то онѣ дѣйствовали черезъ проломы одними прямыми выстрѣлами, посылая въ городъ снаряды, одинъ за другимъ, полнымъ зарядомъ.

Итакъ, взрывы минъ обрушили почти весь эскарпъ атакованнаго полигона. Послѣ этого что оставалось дѣлать саперамъ съ своими лопатками? Основаться ложементами на главномъ валѣ, между коронованными уже воронками, устроить на немъ новыя батареи и обратить, такимъ образомъ, занятую часть крѣпости противъ самого непріятеля. По начальствованію въ крѣпости, сераскиръ Аджи-Ахметъ и трехъ-бунчужный паша Сертъ-Мах-

мутъ, не заблагоразсудили ожидать этихъ новыхъ работъ осадныхъ: они сдали крѣпость на капитуляцію, по которой весь гарнизонъ, съ флотиліей и 229 орудіями, положилъ оружіе.

За отличіе, оказанное при осадѣ и взятіи крѣпости Силистріи, генералъ-маіоръ Шильдеръ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Изложивъ, въ главныхъ чертахъ, дѣйствія, которыми ознаменовалъ свою службу Карлъ Андреевичъ Шильдеръ въ Турецкую войну 1828 и 1829 годовъ, мы позволимъ себѣ, на основаніи этихъ дѣйствій, сдѣлать заключеніе о личномъ его характерѣ, какъ воина и какъ инженера; но при этомъ поспѣшимъ сказать, что, кромѣ изложенныхъ дѣйствій, Карлъ Андреевичъ находился также, въ 1829 году, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Красовскаго подъ Шумлою. Укрѣпивъ позицію при Янибазарѣ, онъ былъ въ сраженіи при разбитіи верховнаго визиря у мѣстечка Марапа и при открытіи осадныхъ работъ, произведенныхъ противъ передовыхъ укрѣпленій крѣпости Шумлы, за что получилъ орденъ св. Анны 1 степени. Но какъ, въ настоящее время, мы не имѣемъ подъ рукою матеріаловъ, на основаніи которыхъ могли бы составить точное описаніе того, что происходило въ отрядѣ генерала Красовскаго въ іюлѣ 1829 года подъ Шумлою, то отлагаемъ трудъ этотъ до другаго времени, тѣмъ болѣе, что Шильдеръ, какъ намъ кажется, достаточно себя выказалъ и въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которые довелось ему совершить подъ Варною, Силистріей и на Дунаѣ.

Вникая въ эти дѣйствія, прежде всего останавливаемся на геройскомъ самоотверженіи, съ которымъ были они совершены и которое составляло не только отличительную черту характера Карла Андреевича, но и придавало всей его наружности какое-то отличительное солдатское благородство. Не было предпріятія, предъ которымъ остановился бы онъ изъ уваженія къ его опасности, чему самымъ разительнымъ доказательствомъ можетъ служить спускъ плашкотовъ по Дунаю, въ виду двухъ крѣпостей и двухъ непріятельскихъ флотилій. И теперь даже не вѣрится, какъ могло осуществиться такое предпріятіе. Еслибъ флотилія силистрійская, узнавъ своевременно о вооруженіи плашкотовъ въ Аджисѣ, двинулась со всеѣми своими іолами къ Туртукаю и тамъ, соединившись съ флотилією рушукскою на

такимъ пунктѣ, чтобъ имѣть за собою теченіе рѣки, а слѣдовательно и всѣ шансы къ успѣшному натиску, ожидала появленія плашкотовъ изъ Аджиса въ Дунай, тогда Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась экспедиція дунайская. Но, вмѣсто этихъ необходимыхъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, мѣръ, что предприняли Турки? Сначала, повидимому, они только разсуждали между собою въ стѣнахъ Туртукая о нашихъ приготовленіяхъ; когда же плашкоты показались у истоковъ Аджиса, они послали гонцовъ къ пашамъ силистрійскому и рущукскому, но тогда уже было поздно, потому что, съ разсвѣтомъ другаго дня, плашкоты вошли въ Дунай и поплыли внизъ отъ Туртукая. Генераль Шильдеръ, разумѣется, на такую необъяснимую оплошность со стороны непріятеля разсчитывать не могъ, а потому, кажется, не безъ основанія можно думать, что экспедиція предпринята была по необходимости, единственно на томъ основаніи, что другимъ способомъ доставить мостъ къ его назначенію было невозможно. Но не презрѣніе къ жизни подвигало Карла Андреевича на подобнаго рода опасности, напоминающія гамлетовское «быть или не быть». Нѣтъ, онъ не искалъ смерти: онъ только не думалъ о ней, когда стремился къ осуществленію своихъ идей, которыя дороже были для него всего на свѣтѣ. Можно сказать, что, въ эти минуты, онъ не помнилъ самого себя, а какъ отъ этого зависѣла жизнь не его одного, а участь цѣлаго отряда, ему вѣреннаго, то мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее, быть можетъ, и ошибочное заключеніе: безсознательное мужество генерала Шильдера, доходившее иногда до неблагоразумія, составляло одинъ изъ существенныхъ его недостатковъ, какъ начальника отряда.

Другой недостатокъ, которому, впрочемъ, многіе могли бы позавидовать, это—избытокъ идей, преслѣдовавшихъ его цѣлую жизнь и съ которыми онъ не всегда могъ совладать. Такъ, напримеръ, идея, увлекавшая его вчера и для осуществленія которой готовъ онъ былъ вчера на всевозможныя пожертвованія, сегодня становилась уже на второмъ планѣ, а иногда и совсѣмъ изгонялась идеею новою, которая, въ свою очередь, также увлекала его не надолго. Отъ этого мало было проектовъ, которые успѣлъ онъ самъ осуществить и закончить; напротивъ, тѣ изъ его идей, которыя осуществлялись другими, приложились хорошо къ дѣлу. Недостатокъ этотъ отчасти отозвался и

въ дѣйствіяхъ его на Дунаѣ. Первоначальный планъ, какъ мы уже знаемъ, заключался въ спускѣ планкотнога моста къ мѣстечку Каларашу, по выступившимъ изъ береговъ заливаютъ и рѣчкамъ, вѣв круга дѣйствія непріятельскаго; когда же оказалась физическая невозможность въ исполненіи этого плана, тогда генералъ Шильдеръ не задумался представить корпусному командиру, графу Палену, другой планъ, и именно: спустить планкоты по Дунаю. Положимъ, что, въ этотъ случаѣ, невозможность доставленія моста другимъ способомъ къ его назначенію оправдываетъ измѣненіе первоначальнаго плана; но дѣло въ томъ, что планкоты не вышли еще изъ Аджиса, какъ новыя идеи стали отвлекать нашего война-инженера отъ главной цѣли его дѣйствій, такъ что вскорѣ спускъ моста сдѣлался уже для него какъ будто дѣломъ побочнымъ, второстепеннымъ. Сначала увлекся онъ идеею о возможности прекратить непріятельскія сообщенія по рѣкѣ, въ томъ соображеніи, что Силистрія могла и ожидала получить изъ Рущука запасы и средства для предстоявшей ей обороны; потомъ, кромѣ занятія и укрѣпленія лѣваго берега Дуная противъ самой крѣпости и приготовленія на томъ берегу осадныхъ матеріаловъ, онъ мечталъ уже о возможности уничтожить обѣ флотиліи непріятельскія, невзирая на то, что всѣ силы его, которыми могъ онъ располагать на водѣ, заключались въ *bonnet blanc* и *blanc bonnet*, какъ мѣтко замѣтилъ ему самъ корпусный командиръ, графъ Паленъ. Разумѣется, флотиліи непріятельскія уцѣлѣли; сообщенія же между Силистріею и Рущукомъ прекратились *de facto* не прежде, какъ появилась въ Дунаѣ наша черноморская флотилія (*). Что же касается батарей, устроенныхъ и вооруженныхъ осадными орудіями на лѣвомъ берегу, противъ Силистріи, то и онѣ, какъ мы видѣли, не оказали осадѣ того содѣйствія, какое отъ нихъ ожидали. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ идей, которыми, послѣ спуска моста, увлекали Карла Андреевича на Дунаѣ и на осуществленіе которыхъ такъ много потрачено было успій, находчивости и отнаги, одна только принесла существенную пользу, и именно: приготовленіе осадныхъ матеріаловъ на лѣвомъ

(*) Въ тотъ же день (5 мая) наша флотилія, подъ начальствомъ контръ-адмирала Патаиоти, явилась со стороны Измаила. Она прогнала турецкую флотилію до стѣнъ города, частью объѣхала его лѣ продолженіе ночи и, ставъ со стороны Рущука, довершила блокаду. «Военн. Энци. Лексиконъ», изд. 1887 г.

берегу, противъ самой крѣпости, такъ какъ нигдѣ въ окрестностяхъ Силистріи нельзя отыскать такого мѣстечка, какой въ изобиліи растетъ на берегу той части Дуная.

Солдаты, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, любили Карла Андреевича, и это, безъ сомнѣнія, подтверждаютъ всѣ, кто служилъ въ арміи въ Турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. Въ то время, не было полка или иной части войска, въ которыхъ не ходили бы рассказы о его отвагѣ и находчивости въ дѣлахъ съ непріателемъ, о его прямодушномъ обращеніи съ подчиненными и постоянной заботѣ о ихъ нуждахъ, а главное—о справедливомъ вниманіи къ заслугамъ всѣхъ и каждаго, безъ различія чиновъ и званій. Безъ преувеличенія можно сказать, что, въ то время, пользовался онъ въ арміи такою же популярностію, какую добылъ себѣ въ Севастополѣ генераль Хрулевъ; солдатская же хвала дается только истинной заслугѣ.

Обращаясь къ дѣйствіямъ генерала Шильдера, какъ инженера, мы полагаемъ, что осада и взятіе крѣпости Силистріи особенно замѣчательны, если принять въ разсужденіе, съ одной стороны, многочисленность гарнизона, а съ другой — ничтожность числительной силы осаднаго корпуса. Но и по поводу этой осады немало, въ то время, распространяемо было толковъ, непріязненныхъ для Карла Андреевича, такъ какъ и онъ, при жизни, не могъ уберечься отъ извѣстнаго рода недоброжелательей, которые всегда и вездѣ готовы на порицаніи заслугъ и дѣйствій, выходящихъ изъ ряда вонъ—явленіе до того обыкновенное, что люди благоразумные перестали уже ему удивляться. Такимъ образомъ, такіе господа съ «крылатыми рѣчами», какъ только прослышали о взятіи Силистріи, стали во всеуслышаніе проповѣдывать въ главной квартирѣ, и почти у самой ставки главнокомандующаго, что осада тянулась слишкомъ долго—болѣе мѣсяца (отъ 14 мая до 18 іюня), и что этимъ генераль Шильдеръ видимо нарушилъ заповѣданіе Вобана, по которому назначено брать крѣпости всего въ восемнадцать дней. Но вѣдь маршаль Вобанъ, назначая такой срокъ, не имѣлъ въ виду покореніе крѣпости безъ содѣйствія открытой силы. Впрочемъ, здѣсь дѣло говоритъ само за себя, а потому, въ опроверженіе сказаннаго нареканія, достаточно представить на видимость читателя одни только факты. Атака, на фронтѣ между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, превращена была въ дѣйствительную 23

мая, а 8 іюня контръ-эскарпъ былъ уже опрокинутъ минами. Слѣдовательно, крѣпость могла быть взята штурмомъ въ двѣнадцатый день, считая съ 23 мая по 8 іюня, за исключеніемъ, въ теченіе этого времени, двухъ переговорныхъ и трехъ совершенно дождливыхъ дней (*); но какъ, по незначительной численности штыковъ, не имѣлось въ виду взять крѣпость открытымъ штурмомъ, какъ бы брешь удобоприступна ни была, то осадныя работы и продолжались до тѣхъ поръ, пока самъ непріятель не положилъ оружія, а у Турокъ, какъ и у насъ (ст. 2,168 кп. 2 ч. I Свода Военн. Пост.), потеря крѣпости почитается преступною, если гарнизонъ ея не выдержалъ нѣсколькихъ приступовъ на проходимою брешь главнаго вала. Во всякомъ случаѣ, несправедливо укорять генерала Шильдера за то, что онъ взялъ крѣпость одними лопатками, безъ содѣйствія штыковъ.

Также безъ всякаго основанія распространенъ былъ въ арміи слухъ, будто бы Силистрія покорилась не отъ произведенныхъ подъ стѣнами ея осадныхъ работъ, а вслѣдствіе побѣды, одержанной покойнымъ фельдмаршаломъ надъ верховнымъ визиремъ у Кулевчи. Но стоитъ только припомнить событія, чтобъ удостовѣриться въ противномъ. Верховный визирь, какъ извѣстно, потерпѣлъ пораженіе 30 мая, а 1 іюня осадный корпусъ получилъ объ этомъ извѣстіе, когда еще Турки и не думали о сдачѣ крѣпости. Черезъ два дня послѣ этого, присланъ былъ въ Силистрію изъ главной квартиры, взятый въ плѣнъ при Кулевчѣ, бимъ-паша Аджи-Османъ; но и онъ не успѣлъ уговорить силистріійскій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Какъ бы то ни было, а гарнизонъ окончательно убѣдился въ разбитіи верховнаго визиря 3 іюня; съ этого же числа по 18 іюня генералъ Шильдеръ занялъ гласисъ, обрушилъ контръ-эскарпъ, утвердился во рву, взорвалъ эскарпъ атакованнаго фронта и наконецъ совѣмъ разрушилъ часть города, прилежащую къ 5-му баціону. Во все это время, Турки защищались упорно, хотя и знали о разбитіи верховнаго визиря. Когда же генералъ Шиль-

(*) Проливной дождь, который лился рѣкою, въ буквальный смыслъ этого слова, совершенно затопилъ передовыя шансы, устроенныя у самыхъ горныхъ скаловъ. Нонешнѣ надобно было напередъ прекратить производствъ осадныхъ работъ и заняться осушеніемъ траншей. Саперамъ много стоило трудовъ спустить воду въ глубокіе колодцы, которые для этого нарочно были вырыты за третью параллелью.

деръ подкопался къ самому валу и уже готовился перешагнуть его, тогда только силистрійскіе Турки, доведенные до послѣдней крайности, не разбитіемъ верховнаго визиря, а смѣлыми работами осаждающаго, сдались на капитуляцію. Какъ же послѣ этого утверждать, что Силистрія пала въслѣдствіе побѣды кулевченской?

Но самое капитальное нареканіе, которое, какъ намъ извѣстно, повторяли даже и нѣкоторые изъ полевыхъ инженеровъ, исключительно посвятившихъ себя мирнымъ теоретическимъ занятиямъ, навлекъ на себя Карлъ Андреевичъ тѣмъ, что дозволялъ себѣ, подѣ Силистріей, произвольно уклониться отъ коренныхъ правилъ, занесенныхъ въ науку на основаніи вѣковыхъ опытовъ, купленныхъ цѣною крови. Но мы и въ этомъ нареканіи, при всемъ уваженіи нашемъ къ учености составителей учебныхъ руководствъ, не видимъ правды безусловной; напротивъ, полагаемъ, что дѣйствія осадныя подѣ Силистріей, особенно заложение третьей параллели и вѣчаніе гласиса, главнѣйшіе и поучительны для насъ въ томъ отношеніи, что они, такъ сказать, наглядно доказываютъ несостоятельность доктрины, распространенной въ школахъ, и именно: не уклоняться, при атакѣ крѣпостей, отъ принятыхъ правилъ, подѣ страхомъ подвергнуться той же участи, какою постигла генерала Бонапарте подѣ стѣнами Акры (S-t. Jean d'Acre) и графа Каменскаго подѣ Руцукомъ (*). Но много ли было, послѣ Вобана, произведено такихъ осадъ, при которыхъ исполнѣ удалось примѣнить все проповѣдуемое въ школахъ правила, объ этомъ учебныя руководства, какъ извѣстно, хранятъ мудрое молчаніе. Въ доказательство же того, что нѣкоторые изъ этихъ правилъ, хотя и облечены они въ са-

(*) Подѣ Акрою, въ 1799 г., Французы пошли на приступъ прежде, чѣмъ проломъ сдѣлали удобнымъ для входа, отчего штурмъ былъ отбитъ; за нимъ послѣдовало еще нѣсколько безуспѣшныхъ приступовъ, и наконецъ Бонапарте принужденъ былъ отказаться отъ вѣзита крѣпости, употребивъ на веденіе осады 62 дни. Также и графъ Каменскій, въ 1810 г., рѣшился идти на приступъ Руцука, не дождавшись пробитія пролома. «Хотя лѣстницы оказались короткими — рассказываетъ Михайловскій-Данилевскій, въ своемъ «Описаніи Турецкой войны съ 1806 до 1812 года» — но охотники избирались на валъ, подсаживая другъ друга, опираясь штыкомъ, и частію уже вступили въ крѣпость, какъ вдругъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазки въ ровъ, началъ поражать штурмовавшихъ съ тыла, а на валу выставилъ густыя толпы противъ всходившихъ частями русскихъ войскъ. Турки поражали, чѣмъ только могли: ружейнымъ огнемъ, холоднымъ оружіемъ, бровнами, камнями. Приступъ остановился; отъ огромной убитыи начальниковъ разрушилась вся дѣйствіи. Послѣ пяти часовъ кровопролитія, приказано войскамъ отступить.»

мый строгій педантизмъ среднихъ вѣковъ, въ большей части случаевъ даже неисполнимы, приведемъ на выдержку два, три правила.

Опредѣлить, на примѣръ, что силы осаднаго корпуса должны зависѣть отъ силы и вооруженія самой крѣпости, въ руководствахъ предписывается: для атаки небольшой крѣпости осадному корпусу быть въ 9 или 10 разъ сильнѣе гарнизона, противъ крѣпостей среднихъ—въ 7 или 8 разъ, а противъ большихъ—въ 5 или 6 разъ. Значить, если крѣпость обороняется 50,000-мъ гарнизономъ, то численность осаднаго корпуса должна простираться отъ 250,000 до 300,000 войскъ. Но вѣдь такой огромной силы не могли даже собрать четыре большія державы подѣльныя Севастополю. Интересно также, что, какъ рѣдкое исключеніе изъ приведеннаго правила, приводятся въ примѣръ всего два случая: атака Таррагоны въ 1811 году и осада Данцига въ 1813 году, тогда какъ исключеніе изъ правила едва ли не составляетъ большая часть осадъ, произведенныхъ на нашей памяти.

Далѣе въ руководствахъ постановляется правиломъ, что, для обложенія крѣпости, первоначально отдѣляется отъ осаднаго корпуса передовой отрядъ, который долженъ спѣшить подѣ крѣпость быстрыми переходами, съ тѣмъ, чтобы, явившись внезапно, потребовать отъ коменданта сдачи крѣпости и попытаться отворить тѣмъ кровопролитіе, такъ какъ въ исторіи нерѣдко бывали примѣры (все, разумѣется, по удостовѣренію руководства), что *«неожиданность осады, при упадкѣ нравственной силы гарнизона или коменданта, была причиною сдачи крѣпостей, безъ всякихъ особыхъ дѣйствій со стороны осаждающаго»*, и въ подтвержденіе такого загадочнаго факта, что будто бы сдаются крѣпости отъ неожиданности осады, безъ всякихъ *особыхъ дѣйствій* осадныхъ, приводится въ примѣръ сдача, въ Турецкую войну 1828 года, крѣпостей: Исаки, Тульчи, Кюстенджикъ, Мачина и Гирсово. Хорошо правило, но еще лучше приведенный для подтвержденія его примѣръ. Съ нашей стороны мы смѣло можемъ зафрмить гг. составителей руководства, что названныя ими турецкія крѣпости сдались въ 1828 году вовсе не отъ неожиданности осады, которую не имѣлось даже въ виду и предпринимать, но по той единственной причинѣ, что онѣ носили только одно названіе крѣпостей, но къ оборонѣ не

предназначались, подобно тому какъ и панъ Херсонъ въ настоящее время. Въ немъ есть и комендантъ, и крѣпостной валъ, да нѣтъ только того, чѣмъ можно коменданту обороняться за этимъ валомъ. Въ доказательство же того, что самая ничтожная крѣпость, приготовленная къ оборонѣ, если только комендантъ ея не измѣнникъ и не сумасшедшій, не сдастся отъ внезапнаго появленія предъ нею непріятеля, можно указать на Кинбурнъ, въ послѣднюю Восточную войну. Комендантъ этой жалкой крѣпостцы, нѣмѣ уже умершій, былъ не изъ героевъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, произведеннымъ послѣ войны, въ Николаевѣ, а, между тѣмъ, и онъ сдалъ крѣпость не прежде, какъ выдержавъ два усиленныхъ бомбардированій, обезоружившія тыльными выстрѣлами со стороны моря весь фастъ, обращенный къ лиману. Для чего же въ учебныхъ руководствахъ искажать факты историческіе на подтвержденіе правила, никогда на войнѣ не примѣнимаго? Когда, въ 1829 году, явился подъ Силистрію самъ главнокомандующій, покойный графъ Дибичъ, съ достаточными для покоренія крѣпости силами, то и тогда не почли приличнымъ требовать ея сдачи; а что бы сказали варшавскіе Турки, если бы обратились къ нимъ, въ 1828 году, съ подобнымъ предложеніемъ, сначала графъ Сухтеленъ, явившійся, до прибытія еще осаднаго корпуса, внезапно предъ крѣпостію съ небольшимъ отрядомъ, а потомъ Ушаковъ, также внезапно смѣнившій Сухтелена?

Хорошо также правило о ведетахъ. Въмѣсто того, чтобъ дать общее понятіе, какими соображеніями слѣдуетъ руководствоваться при разставленіи ведетовъ, въ руководствахъ прямо и положительно постановляется, что «ведеты можно разставлять въ 500 саженьяхъ отъ гласиса, потому что комендантъ, для сбереженія снарядовъ, не станетъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ». Положимъ, что изъ пушекъ стрѣлять не станетъ, но вѣдь, кромѣ пушекъ, въ крѣпостяхъ бываютъ также и единороги. Притомъ, если комендантъ, для сбереженія снарядовъ, не станетъ стрѣлять изъ орудій по ведетамъ съ разстоянія 500 сажень, то также не станетъ онъ тратить пороха попустому и съ 400 сажень, и потому, кажется, почему бы не разставлять ведеты отъ гласиса и ближе того разстоянія, которое съ такою опредѣлительностію назначено въ руководствахъ, единственно на основаніи какого-то гадательнаго предположенія.

Кромѣ правилъ, разсказываются также въ долговременной фортификаціи анекдоты. Особенно интересенъ одинъ изъ нихъ, приведенный для руководства офицерамъ, инженерамъ и генеральнаго штаба, которые обыкновенно назначаются для обзора крѣпости, послѣ ея обложенія. Вотъ онъ, слово отъ слова: «При осадѣ Люксембурга (1684 г.), Вобанъ самъ часто ходилъ на рекогносцировку до палисада на прикрытомъ пути. Однажды замѣтилъ его непріятельскій часовой и прицѣлился въ него. Вобанъ спокойно далъ ему знакъ не стрѣлять и продолжалъ свой путь. Часовой принялъ его за своего офицера (неужели въ самомъ дѣлѣ принялъ?), и неустрашимый инженеръ возвратился въ траншею, осмотрѣвъ вблизи крѣпостныя верки.» Быть можетъ, мы и ошибаемся, но, по крайнему разумію нашему, анекдотъ этотъ доказываетъ только то, что въ XVII столѣтіи выслаивались изъ крѣпостей въ прикрытый путь очень плохіе караулы. Неустрашимый инженеръ Вобанъ, безъ сомнѣнія, не могъ не знать объ этомъ, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ рѣшился на обзоръ прикрытаго пути, такъ сказать, подъ самымъ носомъ непріятельскаго часового; но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ отправленіи службы на передовыхъ постахъ, и что могло пройти благополучно Вобану въ 1684 году, то едва ли также благополучно сойдетъ съ рукъ въ наше время офицерамъ, назначаемымъ для обзоръ непріятельской крѣпости.

Но мы долго не кончили бы, еслибъ стали продолжать наши замѣтки, такъ какъ подобными приведеннымъ правилами наполнены учебныя руководства долговременной фортификаціи. Поэтому нельзя не пожелать, чтобъ люди опытные и свѣдущіе, а главное—не зараженные духомъ рутины, разсмотрѣли внимательно названныя руководства, этотъ сводъ старинныхъ правилъ, чуть не современныхъ рыцарскимъ балладамъ, замѣнивъ въ нихъ различныя частныя правила основаніями общими, которыя одни и должны составлять сущность науки, и исключивъ приэтомъ все то, что уже отжило, неисполнимо на практикѣ, противорѣчить здравому смыслу и вообще не согласно съ современными понятіями и требованіями, подобно тому, какъ, въ настоящее время, разсматриваются особою комиссіею (кодификаціонною) военныя постановленія, которыя, за исключеніемъ только коренныхъ законовъ, неизмѣнныхъ, какъ и всякая истина науки умозрительной, требуютъ, безъ сомнѣнія, весьма зна-

чительныхъ измѣненій, такъ какъ давно уже измѣнились тѣ условія и требованія, по которымъ они состоялись. Отъ этого получится двоякая польза: во первыхъ, не теряясь въ массѣ разнообразныхъ дробныхъ правилъ, облегчится изученіе коренныхъ началъ долговременной фортификаціи, а во вторыхъ, молодые люди, по выходѣ изъ школы, не будутъ встрѣчаться на службѣ съ противорѣчіями тому, чему обучали ихъ въ классахъ и что иными нескоро забывается. Шильдеровъ немного; большая же часть слѣпо и долго вѣруетъ провозглашаемому съ каедръ учительской.

Въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ», изданія Край, послѣ краткаго перечня пятидесяти-двухлѣтней службы Карла Андреевича Шильдера, сказано, что онъ былъ искусный инженеръ и зналъ въ совершенствѣ химію и механику. Мы этого не скажемъ. Но крайней мѣрѣ, въ то время, когда мы знали Карла Андреевича, онъ не принадлежалъ къ разряду инженеровъ кабинетныхъ или ученыхъ; онъ даже неправильно писалъ по русски. Но онъ былъ инженеръ полевой, въ высшемъ значеніи этого слова, и на столько образованъ, что ему были доступны высокія и смѣлыя вдохновенія, смѣшанныя съ наукою, которыя, какъ въ области литературы, такъ и въ области войны, посѣщаютъ только однихъ избранныхъ. Первыми его качествами, какъ инженера, были: неутомимая дѣятельность, предпримчивость, презрѣніе опасности, умѣнье пользоваться свойствами мѣстности и, наконецъ, способность предугадывать намѣренія непріятеля и перешагнуть или обойти всякое препятствіе; а уже за этими качествами, на второмъ планѣ, проявлялись свѣдѣнія, необходимыя для каждаго полевого инженера.

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ умеръ, въ чинѣ инженеръ-генерала и въ званіи генералъ-адъютанта, смертію война, въ 1854 году, подъ стѣнами той самой Силистріи, которую покорилъ онъ въ 1829 году: ему раздробило ногу осколкомъ гранаты.

П. ГЛАЗОВЪ.